ДАГЕСТАН

№ 2 (29)

(См. стр. 50-55)

Махачкала, Республиканская библиотека им. Р. Гамзатова

19-21 апреля 2007

ЧЕТВЕРТАЯ ДАГЕСТАНСКАЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

ДЕЛОВОЙ ДАГЕСТАН – 2007

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РАЗДЕЛЫ:

- **Госзаказ – 2007**
- Интерьер, дизайн, мебель;
- Архитектура, строительство и отделочные материалы;
- Связь, телекоммуникации и информационные технологии;
- Электро- и бытовая техника и товары
- Страхование, банковское дело, аудит
- Безопасность, охранные системы
- Реклама и полиграфия
- Оргтехника и канцтовары
- Компьютеры и аксессуары

ОРГАНИЗАТОРЫ:

Министерство экономики РД,

Республиканский выставочно-маркетинговый центр «Дагестан - ЭКСПО»

ПОДДЕРЖКА ВЫСТАВКИ:

Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД,

Министерство промышленности, транспорта и связи РД,

Министерство строительства и архитектуры РД,

Комитет Правительства РД по поддержке и развитию малого предпринимательства и потребительского рынка,

Администрация г. Махачкалы.

Тел.: (8722) 68-12-24,
Факс: (8722) 68-01-33
E-mail: dagexpo@e-dag.ru,
http://www.dagexpo.ru

ДАГЕСТАН ЭКСПО

В НОМЕРЕ:

С. 2
Инвестиции: вчера, сегодня, завтра

С. 6
Рыба тоже любит счет…

С. 10
Сладко жить не запретишь

С. 12
Юрий Сагидов об экономике:
Что есть. И почему… Что нужно. И как…

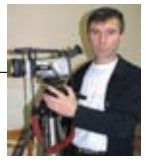
С. 18
Монолог режиссера

С. 21
Дар божий Садыка Магомедова

С. 24
Пришел, увидел…

С. 26
Они стали первыми!

С. 28
Опыт Абдулы Бечедова



С. 29
Сто десять лет со дня
рождения художника

С. 30
Альма-матер - Буйнакское педучилище

С. 32
Надежды девушек питают

С. 34
Тени забытых предков

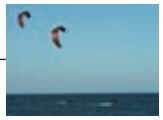
С. 38
Ас из махачкалинского аэроклуба

С. 41
Пилот Умукусум Манташева

С. 43
Письма без адреса

С. 44
Это он – Зайналбек

С. 50
Ветер и море



С. 56
Два рассказа

Слова и дела

Самым значимым событием в последние два месяца были у нас, конечно, выборы. О них сказано-пересказано – и добавить вроде нечего. Однако ж, слушая разные пересуды, радио и ТВ, читая газеты, не могу избавиться от мысли, что на очень важном – по моему мнению – нюансе прошедшей избирательной кампании внимание не было акцентировано. Обсуждение итогов касалось процентов, фактов нарушений… – всего, что обычно сопутствует таким масштабным акциям. Но не все, о чем говорят эти цифры, послужило для окончательных выводов.

Между тем, это «не все» лежит на поверхности. О нем не говорят и не пишут, предполагая, вероятно, его само собой разумеющимся. Не соглашусь. Будучи не сказанным, не зафиксированным в общественном сознании, оно потому и не становится его компонентом.

Поэтому я вот о чем. У нас, в Дагестане, итогами очень недовольны две партии – КПРФ и ЛДПР. Настолько, что жириновцы потребовали пересмотра итогов голосования и покинули заседание Думы, а зюгановцы потребовали пересчета голосов вручную, заявив – что становится уже привычным – о фальсификации. Отчего же все это? Очень просто: голосование по партийным спискам существенно снизило возможность приобретения депутатского статуса нечистоплотным людям. Хотя старая «технология» тоже работала. Но люди голосовали уже не только за пустые обещания, от которых уже в ушах звенит, и не только за конкретные подачки от конкретных людей, а за дела, которые, худо-бедно, но стали уже совершаться в их интересах. Естественно, мыльные политические пузыри стали быстрее лопаться. Ну сколько лет можно вешать лапшу на уши!

Второй момент. Обратите внимание, что вещает так называемая «оппозиция». У нее, как всегда, один – поскольку других нет – послевыборный аргумент, который таковым не является: мол, победил не избиратель, а Кремль. Поди проверь! У меня в этом случае контрвопрос: а для страны (кто бы ни победил – избиратель или Кремль) – это лучше или хуже? Ответ, по-моему, очевиден. За это говорят не слова, а дела.

И момент третий. В советские времена народ валом шел на выборы, хотя выбирать не приходилось: был всегда всего один кандидат. Зато в буфете продавались дефицитное пиво и еще кое-что по мелочам, звучала бравурная музыка и царило праздничное – тоже нечастое – настроение. А сейчас? Пива и продуктов кругом полно, но музыки и громких обещаний нет, поэтому с непривычки и настроение – того… И народ на выборы валом не идет. Хотя выбор из кандидатов есть, хотя прежде уж точно ничего не менялось, а теперь из-за борьбы за голоса совершаются дикие преступления. Чем такой парадокс мышления объяснить? Увы – привычным. Люди настолько привыкли верить словам, пусть и пустым, что продолжают не верить делам – даже наглядным. Но, что примечательно, итогами выборов уже бурно интересуются!

Что вселяет надежду!

Далгат АХМЕДХАНОВ,
главный редактор

Гази ГАСАЙНИЕВ

ИНВЕСТИЦИИ: вчера, сегодня, завтра

Хороший в Дагестане климат: зимой не так холодно, летом жарко, но все-таки не очень. Разговоры о погоде прочно удерживают первенство. Но не меньше говорят и об инвестиционном климате. Каков он в нашей республике?

Красноречивую оценку ему поставила федеральная конкурсная комиссия, которая недавно рассмотрела проекты регионов по созданию туристско-рекреационных особых экономических зон. Одобрив проекты Ставропольского, Краснодарского и Алтайского краев, республик Бурятия и Алтай, Иркутской и Калининградской областей, комиссия пришла к выводу, что «в Дагестане не созданы все условия для туристско-рекреационной особой экономической зоны». Это означает, что из почти 45 млрд рублей, выделенных на эти цели из федерального бюджета, Дагестан не получит ни копейки. Это означает, что 270 млрд рублей, которые намерены вложить в развитие туризма частные инвесторы, в Дагестан тоже не придут. И ни одно из планируемых с этой целью более чем 200 тысяч новых рабочих мест в Дагестане не будет создано.

Но почему? И это при том, что у нас 500-километровый песчаный пляж. При том, что черноморское побережье задыхается от наплыва отдыхающих?

А ведь какие надежды возлагали все мы на туризм, считая, что именно он явится тем локомотивом, который потянет экономику Дагестана в гору. И это не единственный случай, когда инвестиционные средства не доходят до Дагестана, когда потенциальные инвесторы все же воротят нос от нашего региона. Почему же так?

Казалось бы, ответ лежит на поверхности. Такое происходит якобы потому, что за последнее десятилетие центральные СМИ рассказывали о нашей республике только негативное, упорно не замечая ничего положительного. Соседство с Чечней сыграло тоже свою роль, как и то, что наш регион облюбовали международные экстремисты. Да и в про-

шедшее смутное десятилетие не все наши земляки вели себя в других регионах Российской Федерации подобающим образом.

Но дело не только в этом. Хотя бы потому, что сейчас ситуация значительно улучшилась. И улучшение это пошло как благодаря центральной власти, так и местной. И в нашей республике, и в соседней Чечне порядка стало больше, и международные террористы на поверку оказались не такими страшными, какими их вначале представляли. Однако серьезных инвестиций как не было, так и нет.

Дело в том, что их привлечением в республику до сих пор конкретно не занимались, хотя у нас министерств, комитетов и прочих органов поболе, чем в некоторых государствах. Правда, в министерстве экономики есть управление инвестиций, но, как сказал начальник управления Ибрагим Багдуев, руководимое им подразделение занимается инвестициями лишь в социальную сферу. И точно: на мероприятия по социально-экономическому развитию городов и районов республики в минувшем году было направлено более 1 млрд 145 млн рублей, из них 93 процента освоено. Эти немалые средства были потрачены на развитие инфраструктуры, на газификацию, водоснабжение, сейсмобезопасность, на берегоукрепительные работы, на строительство школ, больниц, дорог, на развитие виноградарства, на мелиорацию, на мероприятия по переселению жителей Новолакского района на новое место жительства. Но это деньги из бюджета. А как же с привлечением средств на переработку сельскохозяйственной продукции, освоение шельфа Каспийского моря, туризма? Ведь эти направления считаются у нас приоритетными. Как с модернизацией гидроэнергетики, виноделия, животноводства, производства народных промыслов?

В середине 2001 года правительство нашей республики постановило создать государственное учреждение «Дагестанский фонд инвестиций». Предусматривалось, что этот фонд будет заниматься «привлечением инвестиций в экономику республики, экспертизой инвестиционных программ, аккумулированием средств от реализации инвестиционных проектов для их дальнейшего направления на реализацию программы социально-экономического развития республики». Работники фонда должны были вести реестр субъектов инвестиционной деятельности, заключать договоры и соглашения с инвесторами с выдачей им инвестиционных свидетельств. Эта бумага должна была служить основанием для предоставления инвесторам налоговых льгот.

Мне, несмотря на все попытки, не удалось узнать, заработал ли этот фонд, что он сделал за минувшие годы. Думается, намерения остались на бумаге, потому как стало известно, что сейчас для решения таких задач создается республиканское инвестиционное агентство. Соответствующий законопроект разработан Министерством юстиции и сейчас проходит экспертизу.

Создание подобных структур должно способствовать решению проблемы, но вряд ли кардинальным образом. Как от произношения слова «халва» во рту слаще не становится. Видимо, надо менять саму атмосферу, в которой работают предприниматели. Вот конкретный пример.

Несколько лет назад знакомый бизнесмен пожаловался, что проверяющие житья ему не дают, регулярно приходят за поборами, как за зарплатой. Отчаявшись найти на них управу, он решил демонтировать станки, оборудование, все перевезти и установить в Ставропольском крае, где обещали ему лучшие условия. Я предложил этот вопиющий факт обнародовать в республиканской газете. Сделали. Через некоторое время спрашиваю, какая последовала реакция. А реакция была такая, что позвонил один очень важ-

ный чиновник и сказал примерно следующее: «Слушай, зачем тебе Ставропольский край? Я предоставлю тебе цеха в Махачкале, работай, под этим крылом никто тебя ни трогать, ни проверять не будет…» Ну, и что, спрашиваю я, согласился? Нет, отвечает бизнесмен, какая разница: под крылом работать или от проверяющих отбиваться? Так он и уехал на Ставрополье.

Такова, увы, пока еще у нас ситуация. Но это – пока. Президент республики Муху Алиев провел в феврале совещание с представителями всех заинтересованных сторон, обсудившее ход реализации у нас инвестиционных проектов. Деньги ведь идут туда, где они чувствуют себя уютно. Рискну в этой связи задаться провокационным до неприличия вопросом: что будет, если сократить до минимума, в интересах развития предпринимательства, число расплодившихся проверяющих органов? Порядка станет меньше, или же наоборот – больше? Ведь когда президент страны упразднил налоговую полицию, число налоговых преступлений не увеличилось, а собираемость налогов выросла. Ставропольский край, имея всего лишь стародавние лечебницы в зоне Кавказских Минеральных Вод, победил в конкурсе проектов, в то время как Дагестан, имея и минеральные источники, и горы, и море и много чего еще, остался за бортом возможных извне частных инвестиций. Не в том ли причина, что чиновники на Ставрополье им всячески помогают, а у нас создается столько им препятствий, что не каждому инвестору под силу их преодолеть?

Некоторая часть дагестанских предпринимателей, занимающая определенную нишу в экономике республики, имеет средства, превосходящие их сиюминутные потребности. Что делать с ними? Их мало, чтобы открыть новое серьезное дело. Вкладывать в банк и ждать, пока инфляция их съест? Но есть выход – создать паевый инвестиционный фонд. Небольшие средства каждого в отдельности в сумме составят солидный капитал, который может быть потрачен на реализацию привлекательного проекта. Но этот паевый фонд в нашей республике может заработать только при активной поддержке правительства, если оно привлечет эти средства или станет гарантом того, что они будут потрачены создателями паевого фонда с пользой для республики и с выгодой для инвесторов.

Однако инвестиции в республику идут. Не таким широким потоком, как всем нам и руководству республики хотелось бы, но все-таки: речь не о бюджетных деньгах, предмете чиновничьего удовлетворения. Речь веду о частном капитале, который вкладывают в развитие дагестанского хозяйства. Именно благодаря ему в последние годы появляются у нас и жилые дома, и гостиницы, и рестораны, и медицинские клиники и много чего еще. Наши люди находят себе компаньонов и за границей. Недавно руководители нашего ОАО «Аист» и турецкой фирмы «Премьер» договорились, что в Дагестане построят совместное предприятие – металлокомбинат по производству 170-200 тысяч тонн строительной арматуры в год. Ориентировочная стоимость проекта – 40 млн американских долларов. Турецкие предприниматели мотивируют свое желание инвестировать в этот проект средства тем, что у них и железной руды нет, и энергоносители дорогие. Или другой пример: итальянские и французские виноделы выражают готовность вложить средства не только в процесс производства вина, но и в посадку виноградников. Примеры можно приводить еще и еще. Но не в них все-таки дело.

Да, прогноз инвестиционного климата в нашей республике благоприятен. Но сейчас, как при недавних температурных аномалиях, при ясной вроде погоде пока еще метет, пусть и слабеющая, пурга. Утешением служит и то, что все аномальные явления носят временный характер. Меняющийся инвестиционный климат превращает это утешение в уверенность.

На фото: благодаря частным инвестициям на глазах меняется облик Махачкалы

Габиб ОСМАНОВ

РЫБА ТОЖЕ ЛЮБИТ

Одним из знаковых брэндов Дагестана, одной из его визитных карточек является рыбная отрасль. Еще во времена царской России добыча и переработка рыбы в Дагестане достигали значительных объемов, а продукция массово поставлялась на российский рынок. В период Великой Отечественной войны, когда в республику отовсюду хлынули беженцы, дагестанская рыбная отрасль вносила весомый вклад в обеспечение их питанием. В те голодные годы в значительных масштабах из республики рыба также и вывозилась для продовольственного снабжения населения страны.

После окончания войны дагестанская рыбная отрасль пережила несколько десятилетий планомерного и последовательного развития, когда рыбодобычу, рыборазведение, переработку стремились сделать мощной частью агропромышленного сектора республики. Значительные средства вкладывались в создание соответствующих этой задаче промыслового флота и перерабатывающих комбинатов. Однако вместе с общим кризисом, постигшим советскую экономику, «села на мель» и дагестанская рыбохозяйственная отрасль. Начиная с конца восьмидесятых в течение следующих пятнадцати лет показатели её деятельности стремительно ухудшались, флот и перерабатывающие мощности постепенно деградировали. Огромный размах приобрело браконьерство, запасы многих видов рыб начали стремительно сокращаться, а ситуация в целом, казалось, начала выходить-из под контроля.

В этих условиях государство было вынуждено полностью запретить для всех лов рыб осетровых пород, которые оказались под угрозой полного истребления. Промысловики же, имеющие официальные разрешения и квоты на добычу частиковых видов рыб, – это судак, сом, вобла, лещ, сазан и т. д. – пристрастились

составлять фиктивные отчетные документы, в которых сильно занижались объёмы уловов, а на самом деле рыба вылавливалась в количестве, на которое им никогда бы не дали разрешения в регулирующих органах, поскольку это ставило бы частиковые на грань исчезновения.

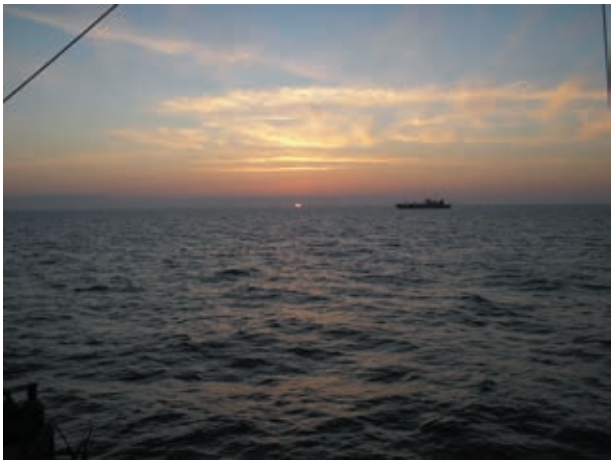
В результате, по оценкам экспертов-биологов, за последние 7 лет запасы частиковых в зоне их лова сократились вдвое. В то же время, сложная ситуация сложилась с объектами прибрежного промысла – это сельдь, килька, кефаль. Ежегодно получаемые республикой квоты на добычу этих видов рыбы в последние годы осваивались крайне плохо, причиной чему было общее упадочное состояние в республике морского рыболовного флота и рыбоперерабатывющей отрасли. Хотя, по мнению специалистов, развитие нашего рыбного хозяйства в перспективе должно идти в значительной степени за счёт добычи именно вышеперечисленных видов рыб.

Одна из главных проблем сейчас на Каспии – резкое сокращение запасов основного объекта промысла – анчоусовидной кильки в результате её массовой гибели в 2001 году. Её численность несколько лет кряду до этого находилась в депрессивном состоянии, одновременно ситуацию усугубило распространение среди килек вируса – гребневика. В результате, к 2002 году её улов у дагестанских промысловиков по отношению к предыдущим годам снизился почти в 3 раза – с 18 до 5-6 тысяч тонн. Однако последние данные обнадёживают – в прошедшие 2-3 года запасы этого вида рыб постепенно восстанавливаются, хотя, к сожалению, этот процесс идёт медленно.

В рыборазводной отрасли из ранее действовавших в Дагестане 10-12 объектов сейчас на плаву остаются лишь 2-3 предприятия. В основном активно работает Широкольский рыборазводный комбинат в Тарумовском районе, где в последние годы началось развитие товарного осетроводства. Начало развиваться и форелеводство, в частности, на Чиркейском водохранилище. По признанию специалистов, это очень перспективное направление, где существуют широкие возможности для развития. В целом же современное состояние рыборазводной отрасли в Дагестане красноречивей всего характеризуется, к сожалению, тем, что, по сравнению с концом 80-х, сейчас в ней производится продукции в десять раз меньше.

СЧЕТ...

Из-за длительного отсутствия достаточной финансовой поддержки все суда дагестанского рыболовного флота, которых всего 16, исчерпали свой амортизационный ресурс, многие часто простаивают в ремонте. Не хватает судомехаников, лоцманов, штурманов, матросов. Промысловикам сейчас дорого обходится горючее. Перерабатывающим предприятиям, мощности которых загружены крайне слабо, недостаёт оборотных средств.



Такова до недавнего времени была удручающая картина. Но это не могло продолжаться вечно. Дело сдвинулось с мертвой точки. В конце 2006 года республиканское правительство утвердило программу развития рыбохозяйственного комплекса Дагестана с 2006 по 2011 год, в соответствии с которой предполагается добиться трехкратного увеличения объемов добычи морской рыбы и десятикратного – объемов рыборазведения. Намечены меры для качественной модернизации и стимулирования развития рыбоконсервной промышленности. Для восполнения запасов осетровых, лососевых, кутума и других частиковых видов планируется значительно увеличить выпуск в естественную среду искусственно разведённых мальков. Также предполагается восстановить действовавший до 70-х годов в Махачкале рыбный техникум для подготовки необходимых отрасли специалистов. Эта программа была разработана в московском Центре регионального развития при значительной помощи Управления рыбного хозяйства Министерства сельского хозяйства Дагестана, ФГУ «Запкаспрыбвод», дагестанского филиала Каспийского НИИ рыбного хозяйства.

Что же в преддверии масштабных государственных акций по финансово-кредитной поддержке отрасли происходит уже сейчас? В рамках приоритетного национального проекта поддержки сельского хозяйства почувствовали перемену и многие действующие частные фирмы. Их промысловых судов сейчас выходит в море больше, чем год назад, а на простаивающих неисправных активно ведется работа по возвращению их в строй. Сегодня в Управлении рыбного хозяйства Министерства сельского хозяйства республики есть около десятка предложений предпринимателей, заинтересованных в закупке, получив кредит, новых судов. При положительном решении две трети суммы процентов по кредитам оплатил бы федеральный бюджет и остальную треть – дагестанский. Подобные проекты повсеместно в промысловом и перерабатывающем секторах рыбохозяйственного комплекса могли бы существенно способствовать его интенсивному развитию.

ООО «Каспий» и ЗАО «Аризона», наряду с другими подобными структурами осуществляющие промысел кильки на Каспии, – типичные предприятия, занятые в этом роде деятельности. Обе фирмы были основаны в первой половине 90-х годов на базе распределённых через приватизационные аукционы старых судов. Среди прочих, себе подобных, они тогда и начали работать на свой страх и риск, зарабатывая в зависимости от проявленной сноровки и смекалки. По уловам среди всех видов рыб на Каспии килька составляет большую часть, её достаточно просто массово выкачивать из морских глубин на борт специальными насосными агрегатами, привлекая в ночное время на свет погруженных в море электрических ламп. На рыбоморозильных судах «Печора» и «Кама», принадлежащих этим фирмам, прямо в море добытая килька замораживается и формуется в брикеты. Доступная по цене продукция находит устойчивый спрос по всей России.

ООО «Каспий» с помощью своего зверобойного судна ЗРС «Тюлень-10» ведет еще и промысел каспийского тюленя – конечно, на основе государственной квоты. Забиваются лишь обладатели ценных шкурок. Это белок – детеныш, которому несколько дней, и сиварь – двухнедельный. Процесс таков: подплывает судно к льдине с лежбищем, и высаживаются на неё охотники с дубинками, затем – забой, снятие шкурок на месте и отплытие с новым грузом. Из обработанных шкурок дагестанцы шьют удобные зимние шапки, востребованные повсеместно в холодной России.

Зверобойный по основному назначению «Тюлень-10» также подвозит питание и прочее снабжение к промысловым судам, которые могут находиться в море и по два-три, и по пять-шесть месяцев. Ведь в мало предсказуемых, как любые другие естественные среды, глубинах Каспия концентрация стад кильки – величина «плавающая», поэтому величина ежегодных уловов может значительно варьироваться. В последние годы наблюдается рост количества этой рыбы, причём хорошо

шли дела и до 2000 года, в котором произошёл резкий обвал её численности, вызвавший кризис у добытчиков. Сейчас промысловиков обнадёживает и хороший товарный вид рыбы и большое количество мальков кильки. Так что можно надеяться на стабильность будущих уловов.

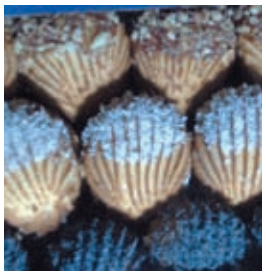
Генеральный директор ЗАО «Аризона» Магомед Сайгиднуров отмечает, что килька – это экологически чистый продукт, так как за её короткую жизнь – 2-3 года – мало что из вредного может в ней отложиться. Массовая добыча кильки безвредна для морской экологии, поскольку, если её не добывать, то она, быстро состарившись, массово отмирает, опускаясь разлагаться на глубину. Магомед Гамзатов – генеральный директор ООО «Каспий» – утверждает, что даже лунный свет ночью может отпугнуть стадо кильки от погруженных в море световых ловушек, поэтому самые большие уловы бывают в наиболее тёмные ночи.

Свое местоположение, ход добычи, результаты уловов один-два раза ежесуточно каждое из промысловых судов через спутниковую систему связи «Инмарсат» докладывает в Управление рыбного хозяйства республиканского Министерства сельского хозяйства. На кильку, как и на остальные виды рыб, утверждаются ежегодные государственные квоты, регулирующие на научных обоснованиях объемы вылова. Рыба тоже любит счет.

Внимание со стороны государства, финансирование кредитных программ – вот то, что сейчас крайне востребовано всеми промысловиками. Как и многие другие, руководители ООО «Каспий» и ЗАО «Аризона» также надеются на помощь государства в оформлении договоров о льготных кредитах для приобретения промысловых судов.

Гази ГАСАЙНИЕВ

СЛАДКО ЖИТЬ НЕ ЗАПРЕТИШЬ...



Помню, как в приспособленном на скорую руку помещении на месте бывшего карьерного управления в Избербаше монтировалась первая линия по производству сахарного печенья. Помню, как пошла первая продукция, каким неповторимым ароматом наполнился цех.

В 1992-м предприятие «Дагинтерн» начало стабильно работать. 30 человек (вместе с ИТР) под руководством Алибулата Омаршаева трудились с энтузиазмом, тем более, что в то время тотального дефицита, пустых прилавков, продукция шла на «ура», только успевай выпускать. Изделия избербашских кондитеров быстро стали популярны не только в республике, но и за ее пределами.

Через 15 лет снова переступаю порог кондитерской фабрики. И не узнаю. Заблудиться среди цехов не дает заместитель генерального директора Магомед Алишейхов. Он предлагает экскурсию начать с того самого, первого, цеха. Линия сохранилась, и по-прежнему выпекает печенье. А за последние полтора десятка лет построены еще шесть цехов, они оснащены самым современным оборудованием, здесь применяются передовые технологии. Сегодня здесь 350 работников вырабатывают более 200 наименований кондитерских изделий.

О продукции фабрики можно долго рассказывать. О том, что высокое качество выпечки, современный дизайн, прекрасные вкусовые качества сделали печенье «Избербаш» популярным не только в Дагестане, но и на территории всей Российской Федерации, и даже за рубежом. (Наряду с другой продукцией печенье поставляется потребителям Азербайджана и Грузии). Печенье «Избербаш» стало победителем и награждено дипломом всероссийского престижного конкурса «100 лучших товаров России» за 1998 и 2000 годы, удостоено диплома Третьей международной конференции «Кондитерские изделия 21 века».

Или рассказать, что «Дагинтерн» одним из первых, а может, и самым первым среди предприятий кондитерской промышленности России отказалось от тугоплавких жиров с большим содержанием холестерина, перешло к растительным жирам, не содержащим лауриновую кислоту. Или о том, что в целях обеспечения полноценности состава и качества продукцию здесь максимально насыщают клетчаткой и, в то же время, снижают ее калорийность, уменьшая содержание сахара. Продукцию фабрики делают уникальной натуральные вкусовые и ароматические добавки – корица, ванилин, изюм.

Покупателям нравятся также вафли «Лакомка», «Шоколадно-ореховые», «Кокосовые», печенье «Утренний кофе», «Кремлевское», «Фантазия», «Осенний вальс», «Москвичка», карамель «Му-му», «Рачки», «Молочная с кофе», мармелад в шоколаде, зефир в шоколаде, овсяное печенье, вафельные торты «Россиянка», «Лесная сказка», «Чаровница», пряники, арахис и фундук в шоколаде, драже «Морские камешки», песочное печенье, шоколадные конфеты и другие лакомства. Простое перечисление наименований заняло бы немало места.

В приемной вывешена часть наград, которой удостоен коллектив – дипломы победителя международного конкурса «Экологически чистая продукция», за участие в Российской агропромышленной выставке «Золотая осень», дипломы на иностранных языках. В марте 2001 года в институте перерабатывающей промышленности прошла третья международная конференция «Кондитерские изделия XXI века». Там же состоялся дегустационный конкурс, на котором победили избербашские кондитеры. Словом, за эти 15 лет изделия «Дагинтерна» заняли определенную нишу в экономике России. А в масштабах Дагестана фабрика вышла в лидеры по выпуску сладкой продукции.

Ныне на потребительском рынке сложилась острая конкуренция. Кондитерская отрасль России имеет более чем двухвековую историю, а общее количество предприятий, производящих сладости, превышает тысячу. Данные НИИ кондитерской промышленности свидетельствуют, что большинство из них (963)

имеют мощности, выпускающие более 5000 тонн в год. Среди них особо выделяются такие гиганты, как группа фабрик «Красный Октябрь» (9 предприятий), кондитерский концерн «Бабаевский» (5 предприятий), российские предприятия, контрольные пакеты которых принадлежат швейцарской фирме «Нестле» (4 предприятия). Сегодня погоду на кондитерском рынке страны делают они, имея собственную развитую торговую сеть и региональных торговых представителей.

Как в этой ситуации не прогореть, выжить, не ударить лицом в грязь? В «Дагинтерне» не стали изобретать велосипед и пошли проверенным путем. К примеру, в себестоимости продукции львиную долю занимает мука. Перестали её закупать, а купили и установили мельницу. Предприниматели сами привозят пшеницу. Если она проходит проверку в лаборатории фабрики, берут. Лаборатория, кстати, аккредитована в системе сертификации ГОСТ Р, укомплектована высококвалифицированными специалистами.

Или другой пример. Если на стороне закупать шоколад, то это тяжелым бременем также ложится на себестоимость. Поэтому «Дагинтерн» приобрел мини-завод по производству шоколада и шоколадно-ореховой пасты. Этот компактный современный автоматизированный комплекс позволяет с минимальным количеством обслуживающего персонала и на малой площади производить до 240 кг готовой продукции за смену.

Другой путь – повышение качества продукции. Нехватка в рационе питания белков, значительный избыток жиров и углеводов с повышенной калорийностью приводит к ожирению, атеросклерозу, диабету и другим заболеваниям. Поэтому в «Дагинтерне» пошли по пути производства низкокалорийных, но богатых незаменимыми пищевыми компонентами продуктов питания. Выпускают продукцию с направленным изменением химического состава, обогащают ее витаминами, минеральными веществами, микро- и макроэлементами. За этим следит не только руководство фабрики, но и опытные работницы, многие из которых трудятся с первого дня создания фабрики. Это благодаря труду мастера Нухитай Магомедовой, рецептурщицы Зайнаб Салиховой, печницы Батимат Алиевой, тестомесов Рукият Багомедовой, Антонины Синечковой мука, сироп и другие ингредиенты превращаются в лакомство.

Любой производитель скажет, что изготовление продукции – только половина дела. Вторая, и, может, не менее важная – её реализация. Как найти постоянного и надежного потребителя, когда рынок до предела насыщен? Избербашские кондитеры и здесь нашли выход. Когда тыловики Министерства обороны объявили тендер на поставку для нужд армии сахарного печенья, фабрика «Дагинтерн» рискнула принять в нем участие. И выиграла. Сейчас из Избербаша в Центральный военный округ стабильно, по графику, уходят партия за партией 350-граммовые пакеты сахарного печенья в вакуумной упаковке. А в Северо-Кавказском военном округе предпочли закупать то же самое печенье в стандартных ящиках.

Пятнадцать лет для любого оборудования – срок достаточно большой. За это время оно не только физически изнашивается, но и морально устаревает. А где взять средства на модернизацию? С этой проблемой сталкивается не только «Дагинтерн», но и вся кондитерская промышленность России. Даже для гигантов отрасли такая процедура не проходит безболезненно. Вот почему ассортимент изделий достаточно однообразен, вот почему многие предприятия продолжают выпуск продукции по сборникам унифицированных рецептур, изданных во времена СССР. А ведь Россия стоит на пороге вступления во Всемирную торговую организацию. Когда это произойдет, нашим кондитерам придется не сладко – в конкурентную борьбу включатся зарубежные предприятия, ставшие мировыми лидерами в своей области.

Руководство фабрики это прекрасно понимает. То, что «Россельхозбанк» предоставил «Дагинтерну» кредит на строительство сокового цеха, то, что правительство Дагестана субсидирует процентную ставку по этому кредиту, еще ничего не решает. На фабрике понимают, что надо и дальше улучшать качество продукции, искать пути снижения издержек, думать о красивой и практичной упаковке. К примеру, московские кондитеры упаковывают зефир в шоколаде в красивые коробки. И продают их в два раза дороже, чем избербашские кондитеры, которые упаковывают тот же зефир в не столь броскую и эффектную тару. А продукция одна и та же, по одному и тому же рецепту изготовлена.

Что такое 15 лет? Для человека это достаточный срок для становления, роста. А для предприятия он все-таки небольшой, но кондитерская фабрика «Дагинтерн» прочно встала на ноги, пережила и галопирующую инфляцию, и дефолт, когда в одночасье лишилась оборотных средств. И здесь все готово, чтобы при спросе удвоить выпуск своей вкусной продукции.

Юрий Сагидов об экономике:

ЧТО ЕСТЬ. И ПОЧЕМУ... ЧТО НУЖНО. И КАК...

Размышляя о ситуации в республике, путях решения существующих проблем, каждый из нас мысленно или вслух выносит в той или иной степени верные или неверные оценки. Как правило, базируются они на какой-либо достаточно узкой сфере жизни страны или отдельной семьи. Обывательская точка зрения почти никогда не пытается осмыслить глубинные причины, порождающие и определяющие наш повседневный быт. И потому, называя белое белым, а черное черным, мы в то же время не утруждаем себя стремлением докопаться до сути. А порой и не умеем это делать. И тогда с легкостью считаем злом то, что является по сути добром, называем врагами истинных друзей, а друзьями считаем врагов – скрытых или просто не ведающих, что творят.

Но есть ведь специалисты, кто разбирается в хитросплетениях перестройки государственного и экономического механизма и в социальном поведении людей, которое в смутное время всегда зависит от их психологии, национального менталитета, уровня общей культуры. Чтобы получить ответы на поставленные в заголовке вопросы, наш журнал обратился к одному из них.

На вопросы корреспондента «Дагестана» отвечает директор Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН доктор экономических наук, профессор Юрий Нурмагомедович САГИДОВ.

– Так что у нас есть?

– Есть многое. И очень хорошее. Но многого и нет. Отвечая по сути вопроса, проще сказать о главном. Заключается оно в том, что в перечне всех 88 субъектов Российской Федерации по производству валового регионального продукта (Чечня по понятным причинам в нем не указана) на первом месте стоит Ханты-Мансийский национальный округ, а наш Дагестан, увы, на последнем. Этот показатель у нас на душу населения в 30 раз меньше, чем у лидера. Но это, пожалуй, требует уточнения, так как это не значит, что мы в 30 раз беднее.

Не буду указывать на различные экономические факторы, влияющие на такое состояние. Обычно многие апеллируют к неблагоприятным ресурсным условиям. Главная наша беда в другом: мы плохо используем основной ресурс – человека. Республику постоянно покидали специалисты, чьи знания, профессиональная подготовка только и могли переломить ситуацию. Эти самые активные, инициативные дагестанцы и сейчас остаются вне республики, они там востребованы. Не буду перечислять имен, их много. Работают в Москве, Петербурге, в других крупных научных и промышленных центрах, а самое главное, в различных областях деятельности. Так было и есть. Человек – самое большое богатство страны. Истина банальная, но почему мы ее не придерживаемся? Хрестоматийный пример – Япония, въехавшая в элиту мировой экономики только за счет интеллекта, знаний, профессионализма. Насколько благополучны и американцы, а постоянно привлекают специалистов из-за рубежа. Да и другие страны не дремлют. А мы свой человеческий потенциал преступно разбазаривали.

– Надеюсь, такая вопиющая бесхозяйственность прекратилась?

– И я надеюсь. Сегодня вообще ситуация не сравнима с положением начала и середины 90-х годов. Да и с более поздним – недавним временем. Увеличилась деловая активность населения, появилось многообразие товаров. Но большей частью они привозные. А что производится у нас, это, в основном, на мелких предприятиях. И по зарубежным технологиям. Ведь чем хвастает реклама? Немецкими, итальянскими и иными зарубежными лицензиями. Те же пластиковые окна, к примеру. Прежняя крупная промышленность, которая в советское время создавалась на окраинах страны большей частью не всегда чисто по экономическим соображениям, а зачастую, в интересах военной стратегии разброса оборонных предприятий по стране при одновременном решении проблемы трудоустройства населения. Экономическая целесообразность – при плановом хозяйстве «страны – единой фабрики» – определялась совершенно по иным критериям, чем сейчас. Теперь мы строим рыночную экономику, и все приходится начинать заново.

– Но отчего не работают прежние связи между головными предприятиями в центральной части страны и довольно крупными промышленными предприятиями на ее окраинах, поставлявшими в центр комплектующие изделия?

– Это объясняется просто. Когда исчезла политическая составляющая прежнего производства, возобладал здравый экономический смысл. Зачем удорожать продукцию, получая комплектующие изделия издалека, и к тому же худшего качества, когда можно производить их на месте. Теми мощностями, которые были у головных предприятий в резерве. В новых условиях продукт должен быть востребован по экономическим показателям, все иные соображения рынок отметает. И, как я уже сказал, в дагестанском хозяйстве наблюдаются подвижки отхода от одновекторной направленности экономических связей к многовекторности, в том числе к связям с зарубежьем.

– Однако дотационность наша еще очень велика, как скоро можно с ней распрощаться?

– Хотелось бы скоро, но сделать это быстро крайне трудно. Дотации из федерального центра – меч обоюдоострый. Это и благо, без которого нам сегодня не обойтись, но в известном смысле и зло, поскольку способствует иждивенческим настроениям, глушит инвестиционную инициативу. Возникает опасность наркотической зависимости от дотационной иглы. Зная деловую хватку, коммерческую активность, трудолюбие нашего народа, я не беспокоюсь о его бизнес-здоровье, но такая игла объективно сказывается на развитии нашей экономики. Как долго это будет продолжаться, с какими приобретениями и потерями мы выйдем из столь малопривлекательного состояния, зависит только от инициативности и трудолюбия народа и правовых условий труда, которые ему создают политики.

– Существует парадоксальное, я бы сказал, мнение, что политика «дотационной иглы» вроде бы поддерживается искусственно. Но чем оно может вызываться?

– Единственное, что может его поддерживать, это отсутствие достаточных федеральных инвестиций в создание у нас крупной промышленности, хотя в центральных областях страны такие предприятия создаются. Это, к примеру, предприятия автопрома по выпуску автомашин иностранных марок. Тут же услужливо аргументируется: мол, наша республика – регион риска, возможны, дескать, сепаратистские настроения и тому подобное. Выглядит подобный

аргумент, по крайней мере, смешно, чтобы не сказать – глупо. Дважды на референдумах дагестанцы высказались, что не мыслят себя вне России, а в 99-м году проголосовали за это и с оружием в руках. Довод, что криминальность высока, тоже не состоятелен. В соседних краях и областях, да и во всей стране, она не меньше, а во многих регионах и больше, что не мешает их инвестиционной привлекательности. Разнобой в этой сфере опасен, уровни развития регионов не должны иметь слишком больших различий. В советских условиях практиковалось так называемое выравнивание на искусственных условиях в соответствии с марксистской идеологией, что, естественно, не получилось. Теперь это можно делать, сообразуясь со здравым смыслом и экономическими законами. Да, уровень развития нашей республики пока более низок, но ведь это дело наживное. Если не понимать этого и оставлять все, как есть, то и вся страна будет ковылять, не будет создаваться эффект всеобщей синергии.

– Что означает это слово?

– Синергос, в переводе с греческого, – вместе действующий.

– Таким развитием вы объясняете экономическое чудо в столь быстро возродившихся после военной разрухи Германии, Японии?

– Именно. Развивали связь, строили дороги и всевозможные коммуникации, что способствовало интенсификации включения территорий в процесс общественного производства. Люди объединились в стремлении жить лучше повсеместно. И не чурались помощи извне в виде притока капиталов, передовых технологий. Над ними не довлела фикция боязни оказаться в экономической зависимости от других стран, как над нами. И что же? Германия и Япония по многим параметрам обогнали уже американцев, но и те и другие по этому поводу не комплексуют. Цивилизация предоставляет возможность быстрого экономического прогресса именно в силу того, что создает условия для взаимного сотрудничества, обмена идеями, людьми, технологиями между всеми, кто следует в русле ее развития. В экономике возникает синергетический эффект. Я думаю, что Россия, и Дагестан в том числе, наконец, должны встать на этот путь.

– Есть ли еще примеры действия такого синергетического эффекта?

– Конечно. Самые яркие – Сингапур, Малайзия. Это были самые отсталые районы мира. И как быстро, прямо на глазах выросли. Сингапур – крохотный пятачок, где нет никаких природных богатств. Но там живут инициативные люди с хорошим экономическим мышлением, а самое главное, имеющие искреннее желание развиваться. И на почти пустом месте вырос крупнейший международный финансовый и торговый центр. Будущее Дагестана целиком зависит от осознания всеми нами, дагестанцами, что до сих пор мы хозяйствовали плохо и не очень старались работать хорошо. Мы шли, образно говоря, против ветра экономики, а цивилизованному миру он дул в спину. И нужно отвыкать от мысли, что разбогатеть можно, лишь если украсть, урвать, взять якобы в долг и не вернуть его. Человек, беря деньги в кредит с так называемым «откатом», считает, что он уже заплатил с него проценты и – более того – вообще считает, что возвращать его не обязан. Нужно раз и навсегда понять, что при наличии коррупции процветание невозможно. Существование – да, но оно оборачивается для страны, республики – прозябанием. Коррупцию окончательно искоренить невозможно, но в цивилизованных странах она загнана в угол, притаилась там, как мышь, готовая вылезти из своей норы, но нормальной жизни хозяев она не мешает.

– Есть рецепт против коррупции?

– И не один. Но прежде всего – надо быть патриотами. Мы сегодня плохие патриоты. С

оружием отстоять родину – да. Но разве патриотично выпускать из школ, из вузов людей без знаний? Согласитесь – это все видят и знают – что многие получают документы об образовании за деньги, практически не обучаясь, а давая взятки. Нужны родине такие специалисты? Разумеется, нет. Мы портим свой умственный потенциал. Процветание страны, республики складывается их трех факторов. Первый, основополагающий, это человек – его умная голова и умелые рабочие руки. Второй – природные ресурсы. Третий – наличие капитала – финансового и производственного. Сочетание в полном объеме всех трех – блестящий вариант. Но и наличия только первого – тоже достаточно. Пример – все та же Япония. При умной голове и рабочих руках можно привлечь и природные ресурсы, и капитал. А в богатом Кувейте, «плавающем» на нефти, работают, между тем, только иностранцы. Аборигены только считают доллары. А что потом, когда кончится нефть?

– Справедливо ли, что в нашем случае многое объясняется отсутствием должного уровня культуры?

– Да, и прежде всего в производственных отношениях. В дореволюционное время такой уровень существовал. В торговле человек вел дела четко: часть дохода – богу, часть – государству, остальное – себе. Когда стало богу – ничего, государству – все, а себе – тоже ничего, то человек стал воровать и торговля развалилась. Это и есть отсутствие рыночной культуры. Когда в Махачкале начали строить радиозавод, что в Сепараторном поселке, то точно такой же строили и в Краснодарском крае. Строительство нашего завода обошлось на 30 процентов дороже, не трудно догадаться, почему. И себестоимость дагестанской продукции оказалась на треть дороже, чем у краснодарцев. Какая уж тут культура! Использование побережья Каспия способно стать кладезем богатства для республики при развитии туризма. А на деле самые лакомые участки морского побережья расхватаны для личных услад. Разве это рачительное хозяйствование? И можно ли тут говорить о наличии культуры в экономической политике государства! Кстати, когда до революции местными делами управляли джамааты, культуры такой было куда больше, вплоть до рационального использования земли. Дома, например, строили кучно на косогорах, ориентированных на юго-восток. Почему? Экономился каждый клочок земли и экономились дрова из леса тем, что солнце светило в дома целый день. А сегодня огромные поля заросли бурьяном.

– Выходит, что тогда институтов гражданского общества, о которых сегодня столько разговоров, было больше?

– Выходит, что в определенном смысле так. Наличие элементов гражданского общества – громадный стимул для экономического развития. Не зря сегодня наш президент Муху Алиев так рьяно взялся пестовать такие ростки. И люди надеются на его поддержку. Проходящие то тут, то там стихийные митинги против злоупотреблений – тому свидетельство. Надо искоренять как из законодательства, так и из повседневного быта все, что тормозит экономические инициативы населения. А дагестанцы ведь очень инициативны. Наше географическое расположение диктует необходимость не просто удовлетворяться транзитом сырья через имеющийся у нас транспортный коридор между Севером и Югом, между сопредельными государствами и областями, а строить предприятия по его переработке. И торговать, торговать. В том числе и своей пищевой продукцией, которая по сравнению с привозной более экологически

чистая и поэтому может быть более привлекательной для покупателя. Разумеется, в более красочной и удобной таре. По примеру других стран – благо он есть, и нам грех его не использовать, той же Голландии, например, где создавались корпорации работников транспорта и сельского хозяйства. При этом достигается в интересах обеих сторон две цели: активизируются производство и доставка готовой продукции покупателям. Сегодня эти два важных процесса у нас разъединены, что не дает и транспортникам, и сельхозработникам экономически развиваться.

– Каким еще зарубежным опытом не мешало бы нам воспользоваться?

– Опытом Ливана, ставшего крупным финансовым центром на Ближнем Востоке. Он находится на перепутье между Европой и Азией. Мы тоже – на границе Российской Федерации рядом с азиатскими государствами. Можно постараться создать у себя Международный банк, который бы зарабатывал на разнице между получаемыми и выдаваемыми кредитами в интересах нашей страны. Почему нет, если нам отсюда рукой подать до Закавказья, Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии. Всем выгодно: и Москве, и Махачкале, и соседям. Так работают и в Швейцарии, признанной в Европе банковским центром. Инвестиции из-за рубежа – одно из непременных условий экономического развития. Но в России банк в регионе должен обязательно согласовывать такие поступления с федеральным центром, если они превышают определенный уровень. Это из-за боязни попасть в экономическую зависимость. Законы, конечно, надо соблюдать. Но у нас, в Дагестане, есть свой парламент, свое правительство, которые имеют право законодательной инициативы. Надо этим правом пользоваться и стараться улучшать как дагестанские, так и федеральные законы.

– Но лед тронулся, сообщалось, что в прошлом году дотационность республики уменьшилась…

– Да, оживление производства, увеличение собственных доходов очевидно. Однако ныне этот показатель опять повысился. Но не за счет ухудшения у нас ситуации, а из-за благорасположения к Дагестану федерального центра, президента Владимира Путина, поддержки им дагестанского президента. В республику направлены дополнительные финансовые средства, чтобы начинания Муху Алиева были реализованы наиболее эффективно. Это свидетельствует о доверии к чистоте его намерений, что, как все в Дагестане знают, совершенно справедливо. Но возможные в банках «откаты» при выдаче ими кредитов, когда получатели в силу этого не собираются их возвращать, таят большую опасность. А что произойдет при смене кремлевской администрации, изменении, предположим, ее исключительного к нам расположения, когда Дагестан еще не успел выбраться из дотационной ямы? Поэтому, отметая субъективные факторы, базируясь на объективных, самый надежный и верный способ совершить скачок в экономическом развитии – это ставка на психо-физиологические качества дагестанцев, менталитет нашего народа. Об интеллекте свидетельствуют достижения наших ученых в самых разных научных направлениях, как и специалистов-практиков; успехи спортсменов говорят о физическом здоровье, народ трудолюбив, экономически инициативен, самолюбив и при создании соответствующих условий может направить свою активность в позитивное русло. Дагестанцы – хорошие семьянины, разводов у нас в 11 раз меньше, чем в среднем по России, алкоголиков практически нет. Каждый дагестанец хочет иметь жилье, вырастить детей, он заботится о родителях. Все это, безусловно, может подвигать его на экономическую активность.

– Наконец, последний и главный вопрос: востребованы ли у нас ваши идеи? Если нет, то почему? Если да, то как и когда?

– Отвечая, начну с того, что в 1992 году в Бразилии была проведена конференция ООН, которая выработала концепцию устойчивого экономического развития на многие годы вперед. Вооружившись ею, осмыслив собственный опыт, оглянувшись вокруг себя, я увидел и понял, что мы ведем себя почти как дикари: нарушаем экономические законы, варварски уничтожаем природу, морское побережье, и делаем много чего еще. Несколько лет назад написал статью «О целевых установках экономического развития Дагестана» и отдал в наиболее читаемую газету. Увы, она не была напечатана. Лишь после разных консультаций она появилась в другом издании – куда меньшего тиража, малочитаемом, и практически не была замечена и не возымела какого-либо действия.

Сегодня происходит многое, что вселяет оптимизм. Бизнес-климат в республике меняется. В конце февраля приезжала делегация французской компании «Стайн Эйрте», которая построит у нас стекольный завод, повысилось сотрудничество в энергетике, других областях. Наш институт откликается на все запросы органов государственного управления. Главная задача – обеспечить трудозанятость населения. Это главный системообразующий показатель экономического развития. Необходимо определить механизм реализации планов правительств России и Дагестана, увязать их инвестиционные намерения с возможностями и намерениями частных инвесторов. Предполагаю, что нашему институту будет поручено также дать стратегический прогноз экономического развития Дагестана на перспективу. Вот так.

Беседовал
Далгат АХМЕДХАНОВ

Ю.Н. Сагидов со своими коллегами

Изумруд АТАЕВА

МОНОЛОГ РЕЖИССЕРА

Можно ли назвать по-настоящему счастливым человека, состоявшегося в профессии? Думается, да. Следуя этой логике, так и хочется представить нашего сегодняшнего собеседника Хайбуллу Абдулгапурова – главного режиссера Аварского музыкально-драматического театра – счастливым.

Сторонние суждения о том, насколько счастлив человек, – обычно предвзяты и надуманны, а объективную оценку этому состоянию может дать лишь он сам. Поэтому его история рассказывается от первого лица.

КАРТИНА ПЕРВАЯ – депортация. Память – страж времени, архивариус пережитого. Говорят, что обычно нам не свойственно помнить младенчество, но людская память существует по особым законам, выстраивая из обрывков переживаний и ощущений причудливую мозаику.

1944 год – мне чуть больше двух лет, хаос царит в ауле: слышен гул голосов, перемежающийся женскими причитаниями и детскими всхлипываниями. Нашу семью вместе с другими жителями небольшого селения Ратлуб депортируют в Чечню. Горе людей, вынужденных спешно оставлять кров, собрав нехитрые пожитки, ехать на чужбину навсегда впечатывается в мою память, оставляя ощущение подавленности и пустоты.

Возможно, ужасы той поры изуродовали бы неокрепшие души – мою и моих брата и сестер, если бы не оптимизм, ласка и забота матери. Маленькая, по-девичьи хрупкая женщина, она поражала своим жизнелюбием и стойкостью. Мама прилагала максимум усилий, чтобы нам достало еды и одежды, защищая нас от болезненного чувства сиротливости, вызванного отсутствием отца-фронтовика. Тогда многие ратлубцы, не выдержав лишений, умирали, смертью окупив право выживших на покой и шанс вновь увидеть родные горы. Но долгожданное возвращение домой не принесло облегчения: некогда уютные улочки Ратлуба оказались разрушены, на месте многих зданий – нагромождения камней да бурьян-трава.

Сельчане говорили, что из-за войны лучшие из лучших, уйдя на фронт, – сгинули, а последние стали первыми. Мужчины возвращались с фронта физически и морально увечными. Вот и отец вернулся инвалидом, но не сломленным внутренне. Сила отцовского духа, вкупе с житейской мудростью, тактом и интеллигентностью заработали ему авторитет среди сельчан, избравших его председателем сельсовета. Для нас же он был не только эталоном на-

стоящего мужчины, но и просто лучшим другом и советчиком. Даже спустя годы все свои поступки я мысленно согласую с отцовскими заветами, всякий раз вопрошая себя: «как бы отец поступил на моем месте».

КАРТИНА ВТОРАЯ – выбор. Наш аул, расположенный в лощине, словно отгороженный от внешнего мира горной цепью, сформировал характер жителей, сделав их независимыми, свободолюбивыми… Не удивительно, что эти качества передались и мне, неоднократно становясь причиной недопонимания окружающими, упреков в своенравии, в стремлении, мол, не походить на окружающих. Именно «непохожесть», кажется, предопределила мою дальнейшую судьбу.

Когда встал вопрос о выборе профессии, я как «законченный гуманитарий», взвесив все «за и против», подал документы на исторический факультет. И даже сдал вступительные экзамены. Но не зря ведь говорят, что «нашей жизнью правит случай»: мне на глаза попадается объявление о наборе аварской группы в Тбилисский театральный институт им. Шота Руставелли. «Вот дело, которое мне по душе, – решил я и, забрав документы из института, отправился на собеседование с приемной комиссией, приехавшей из Грузии. Выбор этот был закономерен: подростком я активно занимался художественной самодеятельностью, с 13 лет участвуя во всех инсценировках сельской агитбригады. Позже так же активно играл в сельском драмкружке, дебютировав в женской роли в спектакле «Айгази». Сцена настолько увлекала, что я даже занялся написанием собственных пьес по мотивам прочитанных книг.

Когда-то в средневековой Европе профессия актера считалась неприличной для благородного мужа, что вынуждало высокородных отпрысков-лицедеев брать себе псевдонимы. На Кавказе, где настоящему мужчине приличествовали более мужественные профессии, тоже считалось зазорным актерствовать. Не удивительно, что мое поступление в театральный вуз вызвало среди сельчан и родных некоторые замешательство и недовольство. Необходимость отстаивать свое право на профессиональное самоопределение убеждала в собственной правоте.

Тбилиси поразил мое воображение: город удивительной красоты, с уникальной архи-

тектурой, мощной позитивной энергетикой, словно сошедший со страниц исторических романов, которыми мальчишкой я так зачитывался, он навсегда остался в сердце. Город, подчинив меня, лепил как личность, прививая свою эстетику, подвергая влиянию грузинской культуры. Городская библиотека им. Пушкина стала для меня местом паломничества: каждая прочитанная книга не только заполняла бреши в образовании простого сельского паренька, но и развивала воображение, заставляя невольно примерять на себя характеры литературных персонажей. Эта «иллюзорная примерочная» впоследствии очень помогала на сцене, где мне доставались все больше роли романтических героев.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ – сцена. После окончания учебы в 1964 году я вернулся в Дагестан. Здесь я впервые явственно осознал, как тяжело достается «актерский хлеб». Играл много и успешно, что следовало из восторженных отзывов. Перевоплощался то в испанского священника, то немецкого генерала, то полковника царской армии. Меня хвалили, называя манеру игры самобытной, а созданные образы яркими, запоминающимися. В прессе то и дело появлялись восторженные отзывы. А меня точил «червь сомнения», заставлявший все чаще задаваться вопросом: в самом ли деле я хороший актер? Усугублялось состояние неудовлетворенности стремлением все сделать по-своему. Для каждой из ролей я припасал свою трактовку образа, зачастую противоречившую замыслам режиссеров-постановщиков. Неустанный поиск вариантов сценографии побудил меня к собирательству литературы, посвященной этой тематике, превратившемуся в обширную домашнюю библиотеку. Она и сегодня приносит пользу, поскольку частенько дает профессиональные советы. Кто знает, может, я ушел бы из профессии, если бы опять не вмешался случай. По инициативе тогдашнего министерства культуры мне предложили переквалифицироваться в режиссеры, пройдя переподготовку в родном театральном институте. Авантюрность, присущая мне с рождения, сыграла решающую роль, и я рискнул еще раз попытать счастья в Тбилиси. А мой дипломный спектакль «Горцы» по пьесе

Романа Фатулаева, поставленный в 1967 году на сцене Аварского театра, оправдал риск. Эта постановка – моя профессиональная гордость, она на долгие годы стала моей визитной карточкой, как режиссера, принеся победу во Всероссийском смотре спектаклей драматических, музыкальных и детских спектаклей, приуроченному к 50-й годовщине Октябрьской революции. Похвальная рецензия на него была напечатана в журнале «Юность», что молодому провинциальному режиссеру особенно льстило.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ – зрелость. 40 лет пронеслись, словно «кони, впряженные в огненную колесницу»: было всякое – и ругали, и хвалили меня. И это нормально, поскольку только безликий человек живет ровно, без эмоций. Со стороны казалось, что я даже привык к славе, но почет и уважение, которое ты обретаешь, – это ведь не льстивые речи и всяческие регалии, пусть и вполне заслуженные, а результат неимоверных душевных усилий, кропотливой каждодневной работы, в первую очередь над собой. Тому, что я состоялся как профессионал, глубоко признателен своим наставникам: Туманишвили и Гончарову. Сегодня в моей профессиональной копилке почти 120 спектаклей. Обращался я к древнегреческой классике, к современной отечественной и зарубежной литературе. Пытался затрагивать вечные темы добра и зла, морали и безнравственности, отдавая предпочтение историческим произведениям. Меня упрекают за нарочитое пренебрежение к бытовой тематике, столь популярной в последнее время. А я и не скрываю негативного отношения к «бытовухе» на сцене, ведь театр призван не только развлекать, он должен заставлять мыслить, анализируя то, для чего мы живем, какие поступки совершаем. Он как лакмусовая бумажка обнажает человеческие пороки и достоинства. Вообще, театр уникальная лаборатория, где формируются людские мечты, моделируются человеческие судьбы, фокусируясь на людских страстях: мечтаниях, желаниях, страхах. Здесь, пусть и фиктивно, можно режиссировать и проигрывать сотни, тысячи вариантов жизни, меняя взгляд на прошлое, настоящее и возможное будущее. Сам же театр, на мой взгляд, находится вне времени. И хотя ему постоянно предрекают смерть, он живет вопреки этим прогнозам. Его не умертвили ни телевидение, ни киноиндустрия, ведь только на сценических подмостках возможно вести живое общение со зрителем. Общество нуждается в театре, как в месте, где устанавливается диалог между актерами и публикой. Это место соприкосновения чувств. Это я, не уставая, твержу.

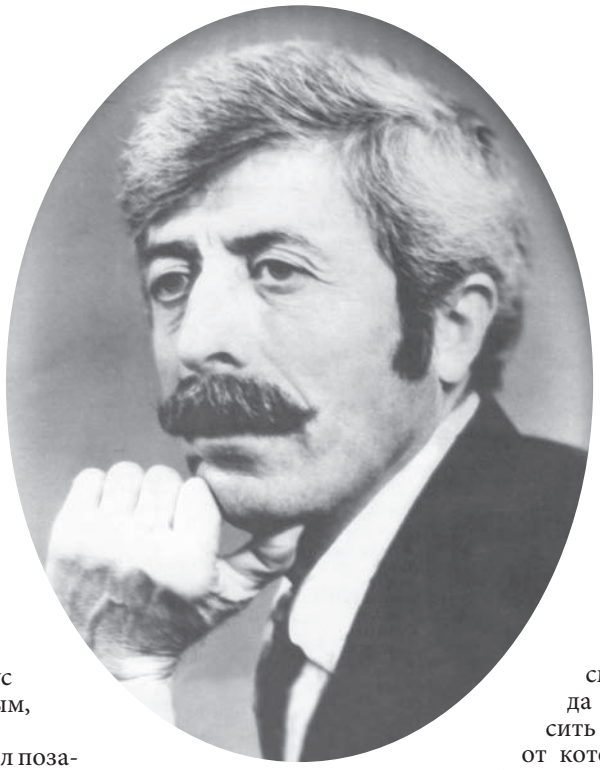
Театр мертв лишь в том случае, если забыт публикой! Для привлечения публики необходимо реинкарнировать театр, если он умирает. Как это сделать в условиях, когда национальные театры влачат жалкое, нищенское существование, не имея средств на обновление декораций, сценической техники, на выплату достойных зарплат, для привлечения профессионалов в актерскую труппу, в цеховые мастерские? Озвучивая эти вопросы во всевозможных государственных кабинетах, я не раз натыкался на недоумение чиновников. Как это так, кажется, все есть: отремонтированные по «евростандартам» коридоры и гримерки, а сценическое оборудование вполне можно отнести к «антикварным раритетам», есть актеры и рабочие в театральных цехах, чей энтузиазм и природный талант «оправдывают» отсутствие профессионализма; есть статус музыкально-драматического театра незыблемый даже при отсутствии театрального оркестра и современной дагестанской драматургии… Но есть и зритель! Ради которого нужно и должно вкладывать деньги в оснащение театров и в обучение актерской поросли в столичных театральных вузах, в привлечение профессионально подготовленных специалистов и талантливых авторов, способных поднять актуальные темы, облекая их в драматические формы. Необходимы театру и профессионалы-критики, способные к конструктивному анализу. И пока мы не осознаем это, пока чиновники, сидящие в высоких кабинетах, не осознают это, мы не сможем помешать гибели театрального искусства.

КАРТИНА ПЯТАЯ – заключительная. Время – лучший цензор всего сущего. Николай Островский сказал, что жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Верно. У каждого из нас настает момент, когда мы замедляем «бег по жизни» и оборачиваемся назад, в прошлое. В канун своего 65-летия я тоже задаюсь вопросом, правильно ли я распорядился своей жизнью, тот ли путь избрал? И анализируя прошлое, понимаю, что будь мне дан шанс прожить еще одну жизнь, я бы наверняка реализовал тот же жизненный сценарий. Наверное, это и есть настоящее счастье!

На снимках: сцены из спектаклей (фото из личного архива и Юрия ИВАНОВА)

Гулинжан КУРБАНОВА

ДАР БОЖИЙ САДЫКА МАГОМЕДОВА



Однажды зимой в сильную непогоду автобус полный пассажиров ехал из Кулинского района в Махачкалу.

Перевал как всегда оказался самым трудным участком пути. По гололеду автобус то и дело заносило. Женщины и дети то и дело выходили и шли пешком. Водитель вытащил из багажника канат, прицепил его к бамперу и молодые мужчины стали тащить автобус вперед, а те, кто постарше, толкали его сзади. Много раз автобус становился неуправляемым, грозя сорваться в бездну.

Наконец автобус оставил позади тяжелый перевал. Напряженность все равно не проходила. Каждый был как комочек нервов, измученные пассажиры пересказывали друг другу, как наши мужчины показывали чудеса храбрости и силы. А одна женщина вдруг запричитала: «О, Аллах, почему мой лакский народ забрался в такую глушь, почему мы так любим эту нашу голую землю, похожую на хребет осла…» И еще много она говорила, трудно переводимое на русский язык.

За разговорами не заметили, как автобус приехал в Кумух, и там в него вошли трое пассажиров: две женщины и один мужчина. Зашедшие прислушались, посочувствовали, а через минут пять мужчина вдруг громко запричитал, выговаривая на лакском языке приблизительно следующее:

Моя дорогая мать, от которой пользы мало и без которой жить невозможно! Как ты могла умереть в такую холодину? На кого ты меня бедного оставила? Сколько раз говорил тебе: не ходи на мельницу, не ходи за водой, не бегай в пекарню, не дои корову, чтоб она сдохла и голодные собаки съели ее. Ты меня, дорогая, не слушала, будто я заклятый враг. На этом свете мне нет радостей без тебя, оставайся в могиле, где тебе некого будет ругать без меня. Чтоб ты там была здорова, и не ругай меня, не то соседям надоешь и не сможешь вынести муки, когда придут ангелы с тебя спросить за грехи. Моя дорогая мать, от которой пользы было мало, и без которой я не мог жить! Как я теперь буду без тебя?

Все оторопели. Можно представить состояние пассажиров, которые после двухчасового тяжелого переезда увидели зрелище более страшное – горько плачущего мужчину? В автобусе воцарилась гробовая тишина.

Так доехали до Цудахара. Был четверг – базарный день. Человек десять с полными домотканными сумками, наполненными сыром и сушеным мясом, вышли. В автобусе стало просторнее. Пассажиры смотрели в сторону базара. Смотрел и новый пассажир, причитавший мужчина, который сидел так, будто он никогда в жизни ничего подобного не видел. Женщина, сидевшая рядом, спросила, бывал ли он здесь на базаре?

– Нет, – очень серьезно ответил мужчина.

– Почему?.. – сочувственно спросила женщина.

– Некогда по базарам ходить, да и карманы у меня дырявые, – пробурчал мужчина.

И тут одна дородная кулинка на весь автобус прокричала (все это на лакском языке):

– Чтобы у тебя умерших было мало, а живых стало больше… Так это же Садык! Садык, чтобы твой дом наполнился пшеницей, чтоб ты из нее пек хлеб и ел его до тех пор, пока не лопнет живот, который от недоедания прилип к позвоночнику!..

Жаль, что всю иронию долгой тирады, обращенной к Садыку, могли понять только кулинцы, даже не всем лакцам она была понятна…

Все забыли о базаре, о непогоде, как будто и не было ни снега, ни гололеда. Для всех вместе теперь был только Садык. Так незаметно приехали в Махачкалу.

…В начале 30-х годов молодой красивый Магомед был направлен на работу в Кумух милиционером. Удивительное это было время. Магомед вместе со всеми строил «светлое будущее». При очередной командировке в селение Хъуна он встретил юную, прекрасную, задорную девушку – Баху, в которую влюбился без ума. Вскоре они поженились. Однажды ночью Магомед находился на дежурстве в Кумухской крепости. Его кто-то вызвал. Он вышел на зов, грянул выстрел и Магомед свалился мертвым.

Ему тогда было всего 25 лет. Сироты знают, что такое остаться без отца, а потом без матери. Баху осталась с тремя детьми на руках. В начале войны в 1941 году ее послали на строительство рвов. Она вынуждена была оставить троих детей – 10, 8 и 6 лет на прикованную к постели больную ревматизмом тетку, которая не только не могла прокормить детей, но и за ней самой нужен был уход. Слава богу, через три месяца мать вернулась живая, но страшно похудевшая. Не прошло и двух месяцев, как ее опять посылают в трудовую армию, видимо, на этот раз, вместо кого-то. Она уехала с большой обидой, с болью на сердце, вновь оставив детей. Истощенная непосильным трудом она заболела тифом и умерла. Похоронили ее в Ленинкенте местные кумыкские братья.

Вскоре от горя умерла и тетка. Говорят, что она внушила себе смерть, чтобы не быть обузой для детей Баху. Но самое большое горе для человека – голод. Лакцы его называют «черное горе». Нахлебался же Садык этого «черного горя досыта»! Люди пухли от голода, умерших хоронили в мешковинах. А дети, которые с рождения ни разу не ели досыта, бродили в поисках съестного.

Суждено было Садыку выжить. 10-летняя сестра стала домработницей у зажиточных людей. Два брата ждали, когда она вечером принесет хоть что-нибудь поесть. Люди помогали им, кто как мог. В основном помогал колхоз. Ежемесячный пуд зерна на троих был для них целым состоянием. Сестра на жерновах жарила безостый ячмень по одной пиале и давала каждому на целый день. Муку она не молола, чтобы сохранить зернышки. Дети ходили по селам, собирали пустые бутылки, сдавали в магазин. Однажды с мешком бутылок они, голодные, не могли дойти до Кумуха. На окраине села ребята постучали в один дом, попросили поесть. Женщина заплакала и сказала: «Храни вас Аллах, в доме уже неделю нет мучного…» Она принесла кувшин молока, помешала сметану и напоила детей, сказав, что это поддержит их до Кумуха. Не успели выйти из селения, как у Садыка, самого тощего, начались страшные рези в животе и рвота. Истощенный до предела детский организм не принял жирное молоко. Мальчика несли на мешке, пока не донесли до Кумуха. Садык выжил.

Однажды в Кумухе некто Шапи нес под мышкой две буханки хлеба, соблазн был так велик, что Садык протянул руку. Шапи поманил мальчишку, развернул спиной к себе и так ударил ногой, что мальчишка пролетел метров десять. Боль от удара ноги капитана милиции у Садыка осталась на всю жизнь. Где начинается и где кончается добро и зло?

Загнанный одиночеством и нищетой Садык находил в себе силу сделать дырку в крыше клуба и, замерзая, смотреть на театральные постановки. Смотрел, пока его не поймали и не привели к директору детдома – Камил-кади.

Мир не без добрых людей. Камил-кади и Сайгид Сулейманов – тогдашний директор Лакского театра вдруг предложили Садыку работать в театре помощником, назначив 30 рублей зарплаты, тем более что он все равно уже все роли знал наизусть. Из театра он и ушел в армию, где получил кучу специальностей, и мог теперь жить лучше, чем работая в теат-

ре. Но Садык выбрал этот «веселый» ад, зная, что его с нетерпением ждет родной лакский народ.

Он шел фанатично к нему, шел днем и ночью, зимой в стужу, летом в зной. Не сосчитать, сколько километров прошел пешком. Транспорт театра состоял из единственного коня. Звали его Машттакъ. Он был предан Садыку так сильно, что казалось, понимал его, называвшего очередной маршрут. Садык, не желая будить кунаков, часто спал в клубе, постелив газеты. Любовь к театру сделала его одержимым.

Однажды Садык шел с Раей Меджидовой (Бутаевой) зимой из одного селения в другое по снегу. У них на двоих была одна пара тряпичных туфель, которые они надевали по очереди: через 500 метров надевала Рая, а когда ее ноги согревались, надевал Садык. Ноги растрескались от холода, Садык мазал их нефтью, и ничего, кроме этой универсальной мази, он не знал в то время. Воистину велик человеческий дух, надо только захотеть.

Однажды в Новолаке, когда заболел артист Мусалаев и труппа находилась в безвыходном положении, Садык попросился заменить того в роли, которую давно знал наизусть. Именно после этой роли Садык навсегда остался исполнителем комических ролей. Даже когда играл роль немецкого офицера, зал ежеминутно аплодировал Садыку, создавая абсурдную ситуацию, хлопая «фашисту».

Актеры, певцы, да и все люди творческие – люди, выбранные богом. Их любят многие, считают их работу «самой легкой». Скажите артисту, чтобы он бросил это «дело», занявшись чем-нибудь «серьезным», вы его оскорбите этим до глубины души. Эти люди настолько привержены искусству, что для них лучше умереть, чем перестать быть тем, кем они есть, кем создал их Аллах, хотя им в жизни труднее. Ведь они меньше защищены от людской молвы. Садык в этом отношении не был исключением.

Странное ощущение испытывал человек при общении с ним. О чем бы серьезном человек с ним ни говорил, ему всегда хотелось улыбаться, смеяться. Даже беда казалась очередным актом из его актерской жизни. Разве что, если разговор не шел о его безрадостном детстве. Стыдно становилось за свою обеспеченную жизнь, коль собеседник столько страдал. Любой из зрителей мог утверждать, что всякое появление Садыка на сцене является его талантливым перевоплощением в той роли, которую он играет в данный момент. Сливаясь с залом, Садык становится с ним единым целым. Зал никогда не уходил от актера, зрителю всегда было хорошо с ним. Свои мысли и чувства человек ведь не всегда выражает в обыденной жизни, даже для себя самого. А тут вдруг Садык говорит о них с такой легкостью, с такой ироничной серьезностью, что люди забывали все тяготы жизни, отдыхали, будто не Садык выговаривал все это, а каждый из них, снимая с себя ношу неприятных раздумий.

Оружием Садыка была его собственная природная интуиция, его эмоциональный аппарат, связанные с практикой. Грим, костюм, мастерство речи, движения, жесты, мимика, эмоциональная и моторная память, способность общаться с окружающими только по данной ему логике актерского чувства и мышления – все это Садык наработал, потому, что любил театр.

Каким бы стал бедный лакский народ, если бы не артист Садык Магомедов! Быть может, если бы отец его не погиб в 25-летнем возрасте, Садык не стал бы артистом. Но Садык пошел в мать, которая работала в Лакском театре и пела: пела и от горя, пела и от радости, пела и после смерти мужа, и после творческой удачи. Но петь ей не дали. Детский дом, куда определили Садыка после смерти матери в 1945 году, стал для 11-летнего вечно голодного мальчугана родным домом. Да, дети того времени знают, что такое голод.

Театр стал для Садыка отдушиной, это был для него дар божий, посланный сверху. Садык наконец обрел себя. Много ли ему надо было в жизни?! Много ли надо каждому из нас, если мы будем правильно жить, как жил он, Заслуженный артист Российской Федерации Садык Магомедов!

Прошло уже два года, как его не стало…

На снимках: сцены из спектаклей (фото из архива)

Полина САНАЕВА

Пришел, увидел...

Человек берет лист бумаги, кладет его на землю и укрепляет несколькими камнями. Потом берет еще один лист и делает то же самое. И так много раз. Довольно долго. Где-то шумит река, вокруг горы, а на каменистой площадке из бумаг постепенно складываются идеально ровные, пропорциональные, гармоничные фигуры. А вернее – знаки. Они большие. Тот, кто их «начертил», нисколько не надеется, что эти знаки будут расшифрованы. Людьми, по крайней мере…

Прошлой осенью три дагестанских художника Ибрагимхалил Супьянов, Магомед Кажлаев и Апанди Магомедов ездили в Азербайджан, в город Шеки, и за две недели многое там «натворили»… Мероприятие, на которое их пригласили, официально называлось Международным симпозиумом.

АПАНДИ: «Там были горы, река, другие художники и редкая такая атмосфера «чистого творчества». У нас было пространство и время. И не знаю, в чем конкретно там было дело, но в Шеки нам всем очень хорошо и легко работалось. Мы жили в желанной изоляции, среди чистой дикой природы, один на один с собой и своими замыслами, которые тут же и воплощались».

Художники, в отличие от ученых и, например врачей, на симпозиумах не сидят в душных залах, не вещают, надрываясь порой, с трибун, не вступают в утомительную полемику. Они порой выезжают на природу, а там разбредаются и занимаются каждый своим. А международным симпозиум в Шеки назывался потому, что в нем приняли участие художники из Грузии, Азербайджана и Дагестана.

АПАНДИ: «Нас так везде так и представляли, и обозначали: именно дагестанские, а не просто российские художники. И нам это нравилось».

Потому что это правильно, – то, что Супьянова, Кажлаева и Апанди считают представителями конкретно дагестанского искусства. Ибо всем ясно, что оно особенное. Наши представители в Шеки и делают его таковым. Хотя организаторы арт-мероприятий приветствуют свободу самовыражения, самовыражаться на симпозиумах положено на заданную тему. На этот раз темой была «Бумага». Вдохновленный ею Апанди Магомедов вдруг обратился к нехарактерному для себя жанру инсталляции.

АПАНДИ: «Проекты, объекты, произведения – обязательно их точно обозначить? Да? Тогда инсталляции… Они придумывались, реализовывались и тут же прекращали свое существование. Так я взял у Ибрагима пачку обыкновенной бумаги. Площадка была подходящей, и я стал выкладывать на ней знаки. Потом я их фотографировал. Но не фотография и не работа с ней была моей целью, а именно инсталляция на ландшафте. Все произошло там, и там и закончилось. Я не смогу и не буду повторять то, что сделал в Шеки».

Знаков у Апанди было много. Их невозможно показать публике, и это было ясно с самого начала. И их никто не видел, кроме нескольких художников и фотографа. Но вокруг были горы, а над горами было небо. Эти знаки складывались, складывались и постепенно сложились в «Разговор». Так Апанди назвал этот свой «бумажный» проект. Просто и многозначительно. Тем самым еще раз подчеркивая, что если б он хотел поговорить с нами, людьми, ему не потребовались бы ни уединение, ни космический масштаб фигур.

АПАНДИ: «В пределах мастерской такое просто не пришло бы мне в голову. А в Шеки сама природа досказывала ходы. На

Бежит и пенится неширокая горная речка, а по обе ее стороны стоят люди и держат за веревочки бумажные мостики. Восемь человек держат восемь мостиков. На фотографии видно, что еще люди ими машут, заставляют подниматься, опускаться, развеваться. Помогают ветру. И снова не фотография была целью акции. Она тоже началась и закончилась там, над речкой. И Апанди был не тем, кто фотографирует, а тем, кто стоит и машет своим бумажным мостиком.

Все-таки для него имеет значение не только искусство, но и люди, умеющие правильно держать между собой мосты.

Наиболее емко и универсально назван третий шекинский проект Апанди – «Пришел, увидел». Снова те же минимальные средства для самовыражения – камни и бумага. Но инсталляции поменьше, теперь уж точно предназначенные для людей. С «Разговором» эти символы объединяет: полная безнадежность по части дешифровки, презрение к этой безнадежности со стороны художника и большой простор для воображения и интерпретаций, оставленный им для зрителя. Хотя тут только освещенные солнцем камни и бумага. Которые кто-то «Пришел, увидел…» Ну, что там просится следом за этими двумя словами? «Победил»? Ан нет. Не тот случай. Ведь задача художника не в том, чтобы (суметь) победить, а в том, чтобы (суметь) увидеть.

Посмотрите, и вы увидите тоже.

6 декабря Апанди Магомедову исполнилось 50 лет. А в феврале уже этого года состоялась ретроспективная выставка его работ – с 1980-го и по сегодняшний день. Акварель, графика, живопись, ассамбляж, рельефы, фотографии – таково разнообразие техники, с помощью которой Апанди заключает в художественную форму то, что видит вокруг. Хотя смотрит, кажется, только вовнутрь себя.

формирование замысла влияет пейзаж, воздух, материалы – камни и бумага, горы и их очертания. Изгибы реки – те же знаки…»

Но Апанди и из мастерской всегда «разговаривает» не с тем, кто придет потом посмотреть на его работу в выставочный зал. Ему всегда явно интересней наедине с самим собой и вот еще с небом. Он до обидного мало думает о том, что говорят о его картинах, рельефах, объектах искусствоведы, журналисты, посетители галерей и даже потенциальные покупатели. И утверждает, что иначе не мог бы оставаться художником.

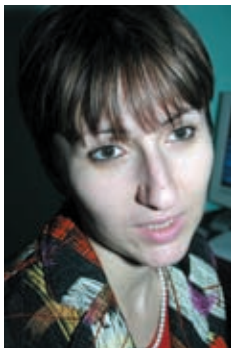
Но иногда люди ему нужны. Во всяком случае, судя по другому проекту, реализованному им в Шеки. Он назывался «Мосты».

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

ОНИ СТАЛИ ПЕРВЫМИ!

В ноябре 2006 года в Москве прошла крупнейшая традиционная встреча профессионалов электронных СМИ – IX Евразийский телефорум. Представители многих стран и серьезных телекомпаний боролись за призовые места в 6-ти номинациях. К удивлению «корифеев», в спецноминации «Экран против терроризма» первое место взял дагестанский видеофильм «Народный генерал», посвященный памяти генерал-майора МВД республики Магомеда Омарова, погибшего 2 февраля 2005 года в результате теракта. Самое примечательное, что победителем стали дебютанты. Потеснив коллег из Израиля, Белоруссии, Украины и Петербурга, вперед вышла маленькая телестудия «Каспий ТВ».

«Каспий ТВ» сегодня – это три крохотные комнатки на четвертом этаже здания муниципалитета г. Каспийска; три компьютера, две старые камеры и команда, состоящая из людей, готовых работать, вкалывать, пахать, забывая о выходных и нормированном рабочем дне. А еще «Каспий ТВ» это творческий тандем – Виктория ТУШИШВИЛИ и Сергей МИХЕЕВ. Они же и говорят за всех и обо всех.



В.Т. – Этот год для нас был очень сложным. Начнем с того, что все муниципальные телестудии перешли на самоокупаемость, то есть кончилось время, когда студия была обеспечена – хоть и не очень. Государство оставило нас без поддержки, нам пришлось перестраиваться, пересматривать всю ценовую политику. Но зато у студии оказались развязаны руки и, может, по этой причине за первый же год самостоятельной, «взрослой» жизни мы взяли столько дипломов.

– До победы на Евразийском телефоруме на вашем счету, как я знаю, уже числились диплом телефестиваля «Золотой бубен» и высшая награда журналистского сообщества Дагестана «Золотой орел». Как случилось, что вы первыми же фильмами привлекли к себе пристальное внимание?

С.М. – Если говорить о самой первой работе, то это был 15-минутный фильм «Этот день Победы...». Наш оператор Башир Алиев оказался на площади в день трагедии – 9-го мая 2002. Он снимал демонстрацию, и потом, когда мирный солнечный день вдруг взорвался, – продолжал снимать. Вернулся весь черный. Да и мы, когда монтировали этот фильм уже на студии, – плакали, а ведь взрослые мужики. Для меня это был первый опыт работы в качестве режиссера документалистики, потому что Вика не смогла работать. После первых же кадров встала из-за монитора и ушла в другую комнату.

В.Т. – Не могла смотреть... Каспийск город маленький, практически всех этих людей – и раненых, и убитых, и обезумевших от горя – знаешь… Невыносимо тяжело. Но фильм мы сделали. И даже решили послать его на «ТЭФИ». Но мы тогда совсем нищие были – никакого интернета, один единственный компьютер и факс. Помню, как спешно записывали последние кадры, а под окнами студии в машине сидел мой муж, который должен был лететь в Москву по своим делам и согласился передать фильм организационному комитету.

С.М. – Потом нам звонили с Первого канала! Их шеф-редактор звонил, сокрушался, что фильм не успел вовремя на 40 дней трагедии (а то можно было бы и показать по ЦТ) и предлагал сотрудничество. А кадры из фильма купило агентство Рейтер, они по многих каналам прошли, в программе Аркадия Мамонтова мы их видели, да и мало ли где еще.

– Остальные два ваших фильма – «Памяти Загира Арухова» и «Народного генерала» делали в том же форс-мажорном режиме?

В.Т. – В общем – да. По-другому и не получалось – маленькая студия, техническое оснащение – мизерное, да и работать можно было только после 9-ти вечера. Хорошо, что у нас все – универсалы. Все снимают, монтируют, пишут. Но все равно было нелегко. Когда делали фильм об Омарове мне, махачкалинке, приходилось оставаться с ночевкой в Каспийске. Зима была снежная, кругом заносы, и добраться до дома было просто нереально!

С.М. – А вахтеры наши как удивлялись! Они люди старой формации и не могли понять, как это так, что часа в два-три ночи выходит вся команда – ребята, девушки и, что самое странное, – все возмутительно трезвые! Тут нужно еще отдельное спасибо сказать нашим родным – женам, мужьям, родителям. Они так за нас болели! Ни жалоб, ни упреков. Наоборот, зная, что предстоит очередная рабочая ночь, давали нам с собой еду, чтоб мы гастрит не заработали и все время волновались – «Ну что, на какой вы стадии? Скоро уже? Ведь неделя всего осталась!».

– Зато результат...

С.М. – Да. Об этих двух фильмах после показа махачкалинскими студиями РГВК и ГТРК говорили все, даже те, кто нас не любит. А жена Загира Арухова Альбина на вручении «Золотого орла» такие слова в наш адрес сказала, что они окупили все – и бессонные ночи, и выматывающую работу. И в Дагомысе на 11-м фестивале Союза журналистов России мы стали лауреатами и потом в Ханты-Мансийске на 10-м международном фестивале телевизионных программ и фильмов получили Спецдиплом. Но, когда мы брались за работу, ни о каких наградах и премиях даже и не помышляли.

В.Т. – Арухов помогал, поддерживал, приезжал сюда на студию еще тогда, когда здесь были одни только голые стены... Тут странная вещь. Если бы они оба были живы, то те фильмы, что мы сняли, многие сочли бы подхалимажем. И получается, что только трагическая гибель при терактах обоих позволила нам сказать то, что мы хотели. Уродливая ситуация, когда и благодарность и признательность можно выразить человеку только после того, как его не стало. Но с другой стороны, их гибель, как и события 9-го мая в Каспийске, это был удар, болевой шок, позволивший создать искренний и цепляющий за живое фильм.

– Но, наверное, ваши конкуренты на Евразийском телефоруме тоже представили сильные работы?

С.М. – Да, там были сильные ребята. Особенно из Питера и Израиля. Честно говоря, я просмотрел пару фильмов и потерял надежду, что мы можем что-то получить. Мы, в принципе, с самого начала понимали, что не по всем параметрам дотягиваем, но решили рискнуть, тем более что успех в Ханты-Мансийске немного добавил нам уверенности. Так что подсократили фильм «Народный генерал» из 40 минут сделали 23, и я поехал.

В.Т. – Нет, ты расскажи, как у тебя камера перестала снимать в самый ответственный момент!

С.М. – Это, конечно, курьезная история. Я взял с собой камеру (а как же, надо же было для истории запечатлеть!) и снимал различные этапы фестиваля. Мы там жили в гостинице «Украина» и каждый день просмотр, причем в разных залах. Один день – в зале «Полтава», другой – в «Одессе», третий – в «Ялте». Так что я, не выходя из здания, «исколесил» всю Украину, и все время снимал. Тем более, там такие люди в жюри сидели! Мэтры! Один Данелия чего стоит! А еще Игорь Прокопенко – заместитель генерального директора REN-TV, он же ведущий «Военной тайны», генеральный продюссер продюссерского центра «Президент-фильм» Владилен Арсеньев, академик ЕАТР тележурналист Борис Мацифер. Был даже китаец – президент Пекинской компании по классической культуре и искусству «Чуаншизи» У Цзян...

В.Т. – ...Так вот он все снимал, снимал, а когда стали объявлять победителей, вышел, видите ли, покурить, и уже там, за дверями, краем уха услышал название города – Каспийск. И тут же обнаружил, что единственный аккумулятор сел! И собственное награждение снять не сумел. Представляете?!

С.М. – Да ладно тебе. Вот то, что не сумел снять, как Данелия подошел поздравить, как мы с ним говорили, как он книгу свою с автографом мне подарил – это действительно обидно. А награждение... Не последний раз награду получаем, точно тебе говорю.

Беседовала
Светлана АНОХИНА

Джангиши КВАРШАЛОВ

Опыт Абдулы Бечедова

Как не вспомнить бессмертную фразу нашего революционного классика: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». Сегодня он наверняка бы добавил «… и телевидение». Магия зафиксированного – сначала на фото – затем на кино, а теперь и на видеопленке – изображения продолжает свое победное шествие. В его орбиту вовлекаются все новые и новые адепты, но оставаться приверженными этому магическому действу могут лишь подлинные энтузиасты, чтобы не сказать – фанаты. В лучшем смысле слова, конечно.

Сказать это потребовалось, чтобы лучше очертить то состояние души, в котором уже немало лет пребывает Абдула Бечедов, секретарь Союза журналистов Дагестана, создавший творческое объединение «Панорама». «Творческое объединение» – звучит громко. На самом деле это объединение – достаточно зыбкая субстанция. Творческое единение разных людей, увлеченных поставленной перед собой целью, происходит лишь при работе на пути к ней. Меняется конкретная цель – меняется и состав «объединения». Остается незыблемым лишь костяк этой подвижной структуры. А мотор у нее – в прямом и переносном смысле – один, он – Абдула Бечедов с камерой в руках.

Казалось бы, много ли можно сотворить в таких условиях: без студии, без техники, без финансирования, с одной лишь видеокамерой, на голом энтузиазме. Оказывается, можно. Заряженность профессиональным динамизмом оператора пришла, вероятно, во время работы в качестве пресс-секретаря МЧС республики. Кадры, снятые Бечедовым, с готовностью брали телеканалы. Но разве они могут унять разыгравшийся аппетит? И Абдула все чаще и чаще замахивается на создание документальных фильмов.

Началось все с желания проследить путь воинской службы деда, пропавшего без вести в годы войны. Погрузившись в изучение архивных документов, поразился числу погибших воинов, чьи имена преданы забвению. Так возникла лента «Вспоминая всех поименно», получившая диплом Первого международного фестиваля им. С. Бондарчука «Волоколамский рубеж» и занявшая 2-е место в своей номинации в Пятом международном фестивале видеолюбителей. Затем одна за другой снимались новые ленты и получались новые награды международных и российских фестивалей: «Боль тревоги» – о чернобыльцах, «Пусть сбывается мечта», «Фронтовая журналистика», конечно, «Союз журналистов Дагестана», «Фестиваль и туризм»…

Созрела идея объявления конкурса на лучший сценарий документального фильма о Дагестане. Учреждена уже «Панорамой» и премия за лучший документальный фильм года. Мечтает Абдула создать ленту о народных дагестанских традициях. Тем более, что попробовал он себя даже в создании – только, пожалуйста, не удивляйтесь – уже и художественного фильма. Но можно ли снять полноценную картину без денег, без профессиональной техники, специалистов кинопроизводства, без профессиональных артистов, без сценария должного уровня? Нет, конечно. А цель трудная – «Последний бой имама Шамиля». Но приобретается постепенно бесценный опыт. Он ложится в фундамент будущей, возможно, киностудии в республике. И занимает свою нишу, которую никакой другой занять не может.

ЮБИЛЕЙ

Сто десять лет со дня рождения художника

В марте этого года исполнилось 110 лет со дня рождения замечательного дагестанского художника Халил-Бека Мусаясул (1897-1949 гг.). Родом из селения Чох, он учился на Кавказе, затем в Саратове, Тбилиси, затем окончил в Германии Мюнхенскую Академию художеств. В перерыве между учебой преподавал рисование в женской гимназии и реальном училище в Темир-Хан-Шуре, нынешнем Буйнакске, работал там же в типографии Мавраева. После Первой мировой войны, революции, завершив прерванную учебу, жил в Германии, а затем в США вместе с супругой, баронессой Мелани Оливией фон Нагель Мусаясул, родившейся в Берлине, выросшей в Мюнхене, жившей в Италии, Египте, а последние десятилетия в Америке, умершей в прошлом году. Дагестанский художник похоронен под Нью-Йорком. При жизни не признавался Советской властью, его имя было под запретом. И только теперь его заслуги в искусстве России и Дагестана, его подвижничество в деле облегчения участи пленных советских солдат во время войны, оцениваются по достоинству.

Вот только два отзыва об этом незаурядном человеке.

Есть ли более прекрасное предназначение для художника, чем первым представить гений своего народа, быть первым выражением души этих людей? Передать чувства, мысли тысяч черт своего народа – задача благодарная, и Халил-Бек может гордиться, что она была возложена на него. С первой же пробы сил ему удалось придать своему творчеству определенную форму и поставить родной народ в ряд наций, имеющих свое собственное искусство.

Жильбер Мерле,
французский писатель

У нас в Дагестане был еще один Шамиль. Это Шамиль искусства, гениальный художник из селения Чох Халил-Бек Мусаясул, чей прах покоится за океаном, под Нью-Йорком. И в Германии, и во Франции, и в Италии, и в Иране, и в Турции, и в Америке его дагестанские картины получили всеобщее признание и восхищение его современников. Но у нас десятилетиями не только его картинами, его талантом, его подвигом, его любовью и даже его именем не то, чтобы восторгались, – даже дорога к нему вообще была закрыта.

Расул Гамзатов,
народный поэт Дагестана

Публикуем портрет Халил-Бека Мусаясул кисти дагестанского художника Магомеда Шабанова.

ПРОСВЕЩЕНИЕ

АЛЬМА-МАТЕР – БУЙНАКСКОЕ ПЕДУЧИЛИЩЕ

К написанию этих строк, которые давно просились на бумагу, меня подтолкнула статья Булача Гаджиева о Буйнакском педучилище в 6-м номере журнала «Дагестан» за прошлый год. Давно хотелось выразить личную признательность за все – за все этому педагогическому коллективу, сыгравшему большую роль в моей жизни. Поэтому поневоле придется «якать». Так что, не обессудьте.

У нас в семье не было ни одного грамотного человека. Отец с 12 лет был чабаном и не уважал «интеллигентские профессии». Но у меня с малых лет была особая тяга к знаниям. В школу пошел с шести лет, окончил семилетку в Губдене за 6 лет. По окончании семилетки работал учителем в Губдене и преподавал одновременно несколько предметов в 5-6 классах. Теперь часто задумываюсь: как я мог в таком возрасте преподавать там биологию, зоологию, к тому же русским языком владел совсем неважно.

Обучаясь заочно в Сергокалинском педучилище, я за 25 дней сдал все экзамены за 1-й и 2-й курсы. Может, это и не разрешалось, но директор училища Саид Абдуллаев после сдачи одного экзамена тут же давал направление на другой. Он не раз с удивлением спрашивал, как это было можно: сдать столько экзаменов и так быстро? Хотя бог не обидел меня способностями, но к экзаменам я готовился добросовестно, днем и ночью.

Окончив таким способом два курса, я задумался: какие перспективы меня ожидают по окончании Сергокалинского педучилища. С такими знаниями по русскому языку и математике меня не примут в вуз, а если и примут, то учиться успешно не сумею. Я же в школе был лидером по успеваемости и не мог не быть таковым. Удавалось это мне сравнительно легко. Директор говорил мне: «Магомед, ты должен учиться дальше, науки тебе даются легко. Но сначала нужно овладеть русской грамотностью».

Я всегда с большой благодарностью вспоминаю его, это он порекомендовал мне, чтобы овладеть русским языком, попытаться поступить в Первое Дагестанское педучилище. Так называли тогда ставшее потом Первым Буйнакским педучилищем. Так, с документом об окончании первых двух курсов Сергокалинского педучилища в конце августа 1945 года я и приехал в Буйнакск.

Здесь директором педучилища работала высокая, стройная женщина средних лет. Звали ее Елизавета Саввична Балковая. На второй день после приезда я стоял у дверей кабинета директора и думал: от ее отношения зависит мое ближайшее будущее. Из кабинета вышла женщина, как я потом узнал, это была завуч педучилища Анна Алексеевна Бокарева, и сказала мне: заходите, директор свободна. Зашел я к Балковой как наэлектризованный. Представился, показал документы из Сергокалинского педучилища. Она сказала, что среди студентов даргинцев очень мало, но здесь готовят учителей русского языка для начальных школ, и нужно выяснить, каков уровень моих знаний русского языка. Я стал горячо доказывать, что, хотя и слаб в русском языке, но буду днями и ночами заниматься. Она улыбнулась, сказала, что знает, насколько горцы упорны и настойчивы, но на третьем курсе есть много других предметов, которые нужно усвоить, и у меня останется мало времени для занятий русским языком. Затем, подумав, Елизавета Саввична предложила: может, зачислить меня на второй курс? Я же заявил: «Вы еще не знаете меня, я быстро догоню других. Примите меня с испытательным сроком». В конце беседы она сказала, что изучит мои документы, сравнит их со своим учебным планом и после этого вернется к вопросу о моем приеме.

Выяснилось, что есть расхождения в учебных планах этих двух училищ, в частности, я должен буду сдать за второй курс географию. Я каждый день ждал директора в коридоре и при любом

удобном случае заговаривал с ней, поняв, что она очень добрый, отзывчивый человек. И решил, что такой человек не может не пойти мне навстречу. Примерно через неделю, снова встретив меня в коридоре, она спросила: вы еще не уехали? Я ответил, что и не уеду, что не могу вернуться домой. Она улыбнулась и предложила зайти в кабинет. Вызвала к себе А.А. Бокареву, и они решили принять меня, посмотреть, как я буду учиться. Дали мне 10 дней для сдачи географии. Только тот, кто был в моем положении, сможет понять, какую радость я испытывал в тот момент. Я сдал географию досрочно.

Е.С. БАЛКОВАЯ

Я не подвел Елизавету Саввичну, учился хорошо. Она преподавала нам историю, и не проходило ни одного ее занятия, чтобы я не подготовился и не просился выступить. С особым уважением относился ко мне старый педагог по биологии Августин Петрович Скрабе. Когда нужно было осветить какой-нибудь упущенный в выступлениях студентов аспект темы, он, как правило, обращался ко мне со словами: ну-ка, подавайте свой голос. Меня часто хвалил преподаватель математики Дмитрий Иванович Коцюбинский. Правда, на экзамене я перепутал множимое с множителем, и он оценку мне справедливо снизил. За хорошую учебу меня дважды поощрили – однажды обувью, в другой раз – отрезом на брюки.

Елизавета Саввична пользовалась исключительным и всеобщим уважением в городе, а в училище – любовью студентов. Я обожал ее, испытывал чувство благоговения и какую-то перед ней робость. Дважды на занятиях по истории она сказала обо мне: «Абдуллаев упорно, в нарушение всех правил, добивался приема, и тогда мы с Бокаревой пришли к заключению, что такой упорный и целеустремленный человек может добиться даже невозможного, и мы не ошиблись». Но с русским языком у меня получалось плохо. Требования были слишком высокими, поскольку в училище готовили учителей русского языка. Русский язык и литературу вела Нина Александровна. При разборе сочинений она говорила: у Абдуллаева содержание сочинения всегда хорошее, но ошибок много, путает именительный и винительный падежи, слабо с синтаксисом и т.п.

А.А. БОКАРЕВА

Я работал над собой очень много. Усидчивость и трудолюбие выработал главным образом именно в Буйнакском педучилище. Чтобы повысить грамотность, я ночами при плохом свете переписал множество страниц из 4-х томов «Войны и мира» Льва Толстого и двух томов Тургенева, что не могло не отразиться на моем зрении.

Елизавета Саввична прилагала большие усилии, чтобы создать насколько возможно, благоприятные для студентов материально-бытовые условия. Она умело использовала возможности властей, хозяйственных организаций, колхозов. При педучилище был приусадебный участок, где с помощью студентов выращивались овощи. Их готовили бесплатно студентам в столовой училища, что имело немалое значение в то сложное и голодное время, в 1945-1946 годах.

К концу третьего курса у меня уже были большие сдвиги в усвоении языка, но оснований хвастаться своими знаниями по этому предмету, увы, не было.

После окончания педучилища я работал учителем в Губденской средней школе, преподавал арифметику, биологию, историю, географию. В той школе тогда еще не было ни одного преподавателя с высшим образованием, а со средним педагогическим образованием был только я. Позднее, будучи студентом 4 курса исторического факультета и секретарем комитета комсомола пединститута, я выступал на совещании директоров средних школ и училищ, секретарей городских и районных комитетов комсомола, проводимом Минпросом ДАССР и обкомом комсомола. Увидев своего бывшего директора в зале, я во время перерыва подошел к Екатерине Саввичне и восторженно приветствовал ее. Она сказала: «Я рада вашим успехам, выступили вы грамотно, толково. Теперь у вас с русским языком хорошо».

Действительно, она радовалась моим успехам в учебе и знаниям, как будто я был ее братом. После этой встречи Елизавету Саввичну не видел, но часто и с особой теплотой вспоминаю ее.

Хорошо помню годы учебы и педагогической работы в школах и вузах. Тогда мы шли с радостью на занятия, получали моральное удовлетворение от своего общения со школьниками и студентами. Теперь положение резко изменилось. Студенты в своем абсолютном большинстве не подготовлены должным образом к учебе в вузах, в школах они не стараются или вовсе не хотят получить соответствующее образование. Не стремятся учиться и в вузах. Им нужны дипломы, а не образование, профессиональная подготовка. И с дисциплиной у них тоже пока плохо. Многие нынешние студенты даже не здороваются со своими преподавателями. А мы, старшее поколение, до сих пор с благодарностью вспоминаем своих педагогов.

Магомед АБДУЛЛАЕВ,
профессор, доктор философских наук

На фото:
в здании дореволюционного темирханшуринского реального училища располагалось Первое Буйнакское педучилище.

НАДЕЖДЫ ДЕВУШЕК ПИТАЮТ...

Марьям ХАЛИМБЕКОВА

ЖЕНЩИНА И МУЖЧИНА

Не успела я проснуться-оглянуться, как дата рождения в моем паспорте стала предательски далекой, тем более, – страшно подумать! – родилась я в прошлом веке. Для меня, прежде безмятежно погруженной в науку и прочие высокие материи, вопрос о замужестве вдруг обрел пугающую актуальность.

С возрастающей тревогой я наблюдала, как одна за другой впрягались в брачную упряжку сначала мои ровесницы, а потом и те, кто младше. Моя же неисправная телега еле набирала скорость, так что обскакавших меня становилось все больше.

Утешал только их замутненный семейными радостями вид и циничные замечания о быстро опостылевших мужьях и путающихся под ногами, вечно орущих детях. Не без удовлетворения я отмечала признаки преждевременного увядания на лицах недавних девочек, перепрыгнувших из беззаботной юности в пору материнства. Да еще эти горячие сводки с линий фронта против ненавистной мужниной родни во главе со свекровью-монстром (хвала дагестанским свекровям, превзошедшим в своей изощренности русских тещ, – этим вчерашним невесткам, которые свои обиды на мучавших их когда-то свекровей с наслаждением вымещают на женах сыновей!) Я-то в своем неюном возрасте, наверняка, буду иметь дело с женихами, уже успевшими стать круглыми сиротами.

Больше всего, конечно, переживали мои родители. Мало того, что мой брат – безнадежный «старый дев», так еще скорбная тень безбрачия нависла и надо мной.

Мама вздыхала:

– Иногда мне кажется, что мы всю жизнь так и будем жить впятером: я, папа, твой брат, ты и Миасат (наша кошка, вкусившая, в отличие от меня, сладостные плоды любви).

– Но должна же я настояться, как хорошее вино!

– Да, но все дегустаторы к тому времени переженятся, моя дорогая! - (повторный тяжелый вздох).

Мое приданое, любовно собираемое мамой в течение многих лет, уже перевалило через свою критическую массу, так что, казалось, вот-вот вытечет из квартиры. Прошло столько времени, что многое просто устарело, но эти немые свидетели моего затянувшегося девичества упорно хранились.

Мама всем подряд демонстрировала мои творческие достижения как некую компенсацию понятно чему. «Целыми днями за компьютером!» – притворно сокрушалась она, и я задыхалась от возмущения на такой поклеп. Наивная в своей слепой любви, она не понимала, что тем самым наносила сокрушительный удар по моему имиджу: кому пригодится в хозяйстве невестка с томиком Бродского в руках вместо веника?

Мои искушенные родственники, наотрез отрицающие западную модель женского становления – карьера, потом семья, – настаивали на модели восточной: семья и никакой карьеры. Точнее: семья – единственная карьера. С нездоровым энтузиазмом они подсовывали мне разных кандидатов (как правило, не сгодившихся их дочерям и сестрам), искренне удивляясь моей избирательности и недвусмысленно указывая на мои годы, грозно тикающие, как рубли у таксиста, на счетчике Времени. Напрасно я робко убеждала их, что хотелось бы все-таки по любви, и чтобы «только смерть разлучила нас». Как мудро заметила одна из моих тетушек, девочка – такой товар, который нужно выдержать определенное время, чтобы взвинтить на него цену. Но не дай бог передержать, не то залежавшийся продукт пойдет только с распродажи или заваляется в «секонд-хенде».

Теперь каждая встреча со знакомыми традиционно начиналась для меня с сочувственно-злорадного: «Ты еще не?..» Я научилась отвечать с легкой небрежностью: дескать, я еще не определилась – слишком уж выбор велик. Мысленно проклиная такую вопиющую бестактность, я обращала все в милейшую шутку, чтобы ни у кого не возникло подозрения, что у меня якобы портится характер по известной причине. Вообще-то, я стала замечать (или это паранойя всех, мне подобных?), что все странности моего противоречивого нрава с некоторых пор стали приписывать именно моему холостому положению.

Когда все окружение дружно и с самыми добрыми намерениями вопиет о твоем катастрофическом положении, невольно заражаешься истерией, так что определенная патология поведения у меня все же обнаружилась. Отныне попытки вытащить меня в свет – на свадьбы и другие вечеринки – неизменно проваливались. Мое настороженное самолюбие страдало там, где, как правило, мамаши выставляют своих разряженных дочурок напоказ, то выпихивая их в самый центр танцующих, то знакомя со всеми родственниками и неродственниками подряд, – а вдруг у кого-то нежданно-негаданно подрос сын до брачного совершеннолетия?

Всех холостых я стала расценивать как потенциальных женихов, так что в их присутствии принимала повышенную боеготовность. В новых лицах я подозрительно выискивала характерную печать жениховства; и не раз, кстати, мой обострившийся, как у натасканной собаки, нюх распознавал этот приторный душок возможной семейной жизни. Относительно безопасно в этом мире, полном заговоров против моей девичьей чести, я могла чувствовать себя только рядом с женатыми (желательно, предпенсионного возраста).

Многих вводил в обман мой ханжески-меланхолически-благопристойный вид, и не раз мне давали рекомендацию «пластилиновой» невесты, из которой можно сотворить что угодно. В знак протеста я де-

монстрировала обратное и распугивала охотников до лепки, вопреки желанию подтверждая своим примером ущерб монашества для душевного здоровья.

Как-то доброжелатели предупредили меня об очередных надвигающихся смотринах. Претендент был расписан мне в таких превосходных степенях, что к предстоящему событию я отнеслась со всей ответственностью; как говорит моя приятельница (тоже незамужняя), «количество («смотрителей») должно постепенно перейти в качество». Было сразу оговорено, что я «совершенно неожиданно» встречу Рашида («дичь»). А дальше – сплошь импровизация, зрелищность и успех которой целиком будут зависеть от таланта исполнителей.

Подруга Наида встретила меня в коридоре с заговорщицким видом («Он у меня в кабинете, но ты ничего не знаешь»). Прыгающее в моей груди сердце грозило пробить реберный заслон; я влетела на кафедру, и… поняла, что моим ребрам уже ничто не грозит.

Передо мной предстал молодой мужчина с узкими плечиками, интеллигентски остро выпиравшими из-под белой рубашки, безупречный вид которой безошибочно выдавал в нем холостяка со стажем. Личико его было таким же белым, с нежным девичьим румянцем во всю щеку, что я отметила со смешанным чувством пренебрежения и зависти. С нарастающей враждебностью я уставилась на его плешь, стыдливо проглядывавшую сквозь воздушные волосики, расчесанные один к одному.

Но самое ужасное, что у него были… – мои глаза! (брат говорит «татарские», но я предпочитаю более изящное – «азиатские»). Схожесть его облика с моим отдавала чем-то противоестественным: я мгновенно представила себе наших общих детей – с глазами-щелочками и почему-то лысоватых – и содрогнулась. (Все эти мысленные операции и прогнозы пронеслись в моем сознании с быстротой молнии, и не успел Рашид еще открыть рот, как я уже поставила на нашем совместном с ним будущем жирный крест).

Несостоявшийся отец моих неродившихся детей встрепенулся и, заалев, сбивчиво приветствовал меня. Я прошла мимо, кинув еще раз сверху (он сидел) беспощадный взгляд на его полуобнаженный розоватый затылок.

– Вы тоже здесь работаете? – сделал Рашид несмелый проброс.

– Да, – односложно отрезала я, неприветливо уставившись ему в переносицу.

– Умные люди сейчас занимаются образованием, – («дичь» беспокойно заерзала под дулом моего угрожающего взгляда).

«Ну, вот! – поморщилась я, – сразу разговоры «за жизнь»», – а вслух выдала заведомо обидное:

– Умники давно ушли в бизнес.

Как и планировалось, его задело за живое (он занимается наукой). Но я не дала ему возможности возразить, меня понесло:

– Толковые – те, кто сумел обеспечить свою семью. Чаще всего настоящий ум и образованность почему-то не уживаются, – (меня коробило от собственных сомнительных философствований).

Короче, когда появилась Наида с фальшивым выражением на лице, мы уже сцепились с Рашидом по самым принципиальным жизненным вопросам.

– Значит, даже при создании семьи Вами будет руководить один расчет? – преждевременно огорчился Рашид, и нечто вроде жалости шевельнулось в моей душе.

– Конечно, нет. Просто я хочу, чтоб у моих детей было все лучшее. Притом, что я хочу детей штук десять, – (я не стала уточнять, что хочу этот десяток не от него).

Рашид польщенно и почти счастливо покраснел, будто задача деторождения ложилась непосредственно на него. Необоснованно чувствуя себя поощренным, так что его довольные глазки совсем закатились за щеки, он стал анкетировать меня по всем насущным вопросам, словно ему с невестой (то есть мной) для взаимного познания давалась только одна встреча перед свадьбой.

Я зловредно перечила каждому его слову, так что наша беседа превратилась в перепалку, где я ожесточенно атаковала, а он слабо защищался. Наида изредка делала мне большие глаза, укоряя за мою несдержанность.

Я с нетерпением ждала, когда же мой новый знакомец уйдет, а он все заливался соловьем, постоянно обращаясь ко мне по имени, и это особенно раздражало: казалось, тем самым он закреплял какие-то права на меня. Признаюсь, я была несправедлива и неприкрыто агрессивна, но в упоении от самого себя Рашид ничего не замечал, посматривал на меня все смелее и победоноснее и с пафосом рассуждал о временах и нравах. В конце концов, я совсем замолкла, угрюмо глядя в стол, но ликующее соло Рашида назойливым мушиным жужжанием травмировало мой слух.

Когда он, наконец, ушел, и Наида вопросительно воззрилась на меня, я молча опустила большой палец вниз.

Так бесславно провалилась очередная попытка осквернить мое пуританское бытие супружеством. И пусть у моей мамы весьма приземленные мечты о немногословном зяте-строителе, который сутками будет стучать молотком, преображая всю нашу недвижимость; я по-прежнему в меру романтична и высматриваю на своем горизонте паруса.

И неважно, что пока в мою гавань прибивает только утлые суденышки: я терпеливо жду у своих берегов грандиозное кораблекрушение.

ТРАДИЦИИ

ТЕНИ ЗАБЫТЫХ ПРЕДКОВ

Есть такая поговорка – «историю пишут победители». Можно рассматривать ее как аллегорию. В том смысле, что победитель меняет мир, переделывая его под себя, высекает на скрижалях свое славное имя. Но прочтение буквальное оказывается куда жестче и, как ни прискорбно, ближе к истине. Что там далеко ходить за примерами! На протяжении 70-ти лет просвещенного, казалось бы, XX-го века «победители» азартно переписывали истории целых стран.

Судя по некоторым публикациям в дагестанских газетах и журналах, историю начинают рвать на части, перелицовывать. Человеку доверчивому и не имеющему специального образования очень трудно во всем этом разобраться, хотя бы потому, что авторы, как правило, заявляют безапелляционно: «Все было именно так, а не иначе». Но даже самый простодушный читатель со временем начинает понимать – к истории как к дисциплине эта вся мельтешня имеет весьма отдаленное отношение. О том, какое именно, редакция решила поговорить с профессором, доктором исторических наук, зав. отделом этнографии института ИАЭ Дагестанского НЦ РАН Сергеем Абдулхаликовичем ЛУГУЕВЫМ.

– Наша дагестанская историография в последние лет 20 страдает от весьма опасной болезни. Можно назвать ее нацчванством. Читаешь того или иного автора и видишь – налицо явные передергивания. Пишет историю Дагестана лакец и говорит буквально следующее: «На определенном этапе своего развития Казикумухское ханство, ставшее к тому времени очень сильным, сделало одной из своих резиденций селение на кумыкской территории...». Но в изложении историка-кумыка все выглядит по-другому: «Где-то в период 14-го века, – заявляет он, – кумыкские феодалы настолько окрепли, что распространили свое влияние на многие общества, и одним из центров был Кумух». Над такими попытками «перетянуть одеяло на свою сторону» можно было бы просто посмеяться, если бы они не грозили нашей республике большой бедой. Ведь публикации, о которых мы говорим, рассчитаны не на ученых мужей, которые не принимают на веру голословные утверждения, а требуют указать источник информации, обосновать выводы, которые привыкли сверять с данными из нескольких разных источников! Они рассчитаны на обывателя! И

обыватель им охотно верит! Особенно, если статья льстит его национальному самосознанию, подтверждает тезис об исключительности его народа и соответственно об его личной исключительности как представителя данного этноса. Представьте себе затурканного, замордованного человека, не достигшего каких-либо значительных успехов ни в науке, ни в бизнесе. Как приятно ему прочесть, что, оказывается, национальная принадлежность поднимает его до уровня всех прочих, более удачливых, талантливых, предприимчивых!

– Но ведь этим дело, как правило, не заканчивается. Следом за чувством глубокого удовлетворения национального тщеславия приходит другое. Чувство глубокого неудовлетворения от того, как несправедливо, оказывается, распределены жизненные блага. Была, помнится, какая-то книжка о человеке, который жил себе счастливо, пока не узнал, что он потомок аристократов. И тогда жизнь его покатилась псу под хвост. Герой места себе не находил, размышлял о том, как много ему недодала судьба. Это очень опасно полагать, что тебе что-то причитается по факту рождения.

– Я о том и говорю. Такого рода исторические спекуляции далеко не безобидны. Потому что рано или поздно они неизбежно выходят за рамки научных диспутов. Они «идут в массы», и могут стать запалом, привести к вооруженным конфликтам. Ведь за отвлеченными и вроде бы далекими от реальной жизни рассуждениями на тему «какой народ лучше» стоят и вполне конкретные притязания. В частности, территориальные. В Дагестане есть ученые, которые стараются доказать, что равнинные земли, на которых в 19-м и 20-м веках расселились горцы, исторически принадлежали вовсе не кумыкам, а аварцам или даргинцам. Некоторые публикации читаешь с нарастающим удивлением. Мягко говоря, они несколько искажают общую картину. В частности, есть историки, которые утверждают, что древнее царство Серир было аварским! Где-то это правильно, поскольку первоначально это раннефеодальное образование располагалось на аварской территории. Но ведь впоследствии оно стало полиэтническим, как и Хазарский каганат, о чем говорят многочисленные документальные свидетельства. Или другой пример с Кавказской Албанией. Это одно из древнейших государств, в которое входила часть Дагестана и часть Северного Азербайджана. О нем писал еще Страбон, перечисляя 26 племен, его населявших, чьи самоназвания созвучны современным. Но и Страбон не помешал одному историку (мне бы не хотелось называть имена) написать и издать книгу, в которой он утверждает тождество между Кавказской Албанией и Лезгистаном.

– Так кому же верить, чьим свидетельствам?

– Сложно сказать. Есть категория историков, перед которыми мы снимаем шляпу. Хотя бы потому, что они были современниками тех событий, о которых писали. Но ведь и они не всегда объективны. Возьмем, к примеру, Кавказскую войну. Все события того времени местные историки рассматривали в одном ключе, а российские частенько подавали по-другому. С упором на цивилизаторскую миссию царской России. И всячески подчеркивали героизм русских солдат. Кстати, тут можно прихвастнуть. Ни один из российских историков не отказывал кавказцам в умении сражаться. Могли въедливо отметить «дикость», «нечистоплотность», «варварские обычаи», «угнетенность женщины-горянки», но мужество и воинскую доблесть отмечали все как один.

– Кавказская война сейчас больная тема. Часто приходится слышать, что именно она сбила Дагестан с его исторического пути развития. И роль России в истории Дагестана порой подается только со знаком минус.

– Я считаю, что царизм как таковой много дал Дагестану, хотя это непопулярная сейчас точка зрения. Когда я об этом заговариваю, многие мои коллеги всем своим видом выражают явное неудовольствие. Но ведь посмотрите, именно царское правительство начало просветительскую работу в Дагестане. И задача стояла следующим образом – превратить Дагестан из «окраины России» в полноценную и полноправную ее часть. Надо признать, шаги в этом направлении были сделаны и они были мудрыми и осторожными. В частности, не надо забывать, что именно чиновники царской России первыми заговорили о необходимости создания светских школ, по типу, скажем, Темир-Хан-Шуринского горского училища. Понятно, что это была часть общей колониальной политики, проводимой царской Россией в отношении «туземцев», но ведь речь шла об очень важных для Дагестана вещах. О грамотности, о составлении алфавита, о здоровье коренного населения, в конце концов. Ведь никто не станет отрицать, что медицина в отдаленных горских селах была на очень низком уровне. Высокая детская смертность и различного рода врожденные патологии служат тому доказательством.

– Хочется в русле нашего разговора вспомнить «Сборник сведений о кавказских горцах», изданный в 1870-м году. В нем есть любопытнейший документ. Автор его – один из известнейших российских лингвистов – П. Услар. По жанру, это скорее, докладная записка. В ней Услар архаичным языком, с непривычными современному человеку «ятями» пишет об удивительно актуальных вещах: «В покоренном народе естественным образом, хотя бы даже и бессознательно, возникает опасение за сохранение своей индивидуальности. Утрата ея ... равномерна смерти». Вы, Сергей Абдулхаликович, этнограф. Ваша книга «Культура поведения и этика дагестанцев (XIX – XX вв.)» именно об этом. Об индивидуальных традициях разных этносов. Мне кажется, она должна быть просто настольной книгой каждого дагестанца, а особенно тех, кто с такой охотой и смелостью спекулирует на теме «наших традиций».

– Не знаю, вам виднее. Скажу только одно. Этнография – наука преимущественно описательная. И науки, которая была бы ближе к народу, – просто нет. Если статьи историков прочтут от силы 100 специалистов, то наши этнографические исследования, которые издаются очень маленьким тиражом, зачитывают до дыр. И это понятно. Магомед, Хадижат, Багаутдин будут соглашаться или протестовать, но читать, как именно жили предки, как принято было себя вести с родственниками, гостями, детьми, старшими, женщинами, будут все. Да и ответ на многие вопросы, которыми задаются современные социологи, лежат там, в древности. Например, характерный для Дагестана культ мужчин, который не дает покоя нынешним феминисткам и вам в том числе, – это отголосок ранних общественных устройств, естественная составляющая любого военизированного общества. Мужчине полагалось с 15-ти и до 25-ти лет вести жизнь полную опасностей и быть готовым умереть в любой момент. Конечно же, ему отдавался лучший кусок, и отводилось почетное место в доме. Воин не должен был носить ведра с водой, нянчить ребенка. Он либо воевал, защищая свою общину, либо шел в набег.

Впрочем, могу вас успокоить. Женщины вовсе не были бессловесными и бесправными рабынями. При таком укладе жизни они

неизбежно участвовали в решении многих вопросов наряду с мужчинами. И могли рассчитывать на признание и уважение со стороны сельчан. Многие дагестанские фамилии образованы от имени не отца, а матери. Например, Асиятилов, что значит «сын Асият». Одним из самых позорных прозвищ было «бьющий жену», а говорить о женщине в негативном ключе мужчина мог только при ее родственнике, способном за нее заступиться. Так что, как и во всех традиционных обществах, все было сбалансировано. Возможно, такое устройство ограничивало личную свободу, но и защищало в то же время. И давайте не будем забывать, что без поддержки рода, тухума, джамаата, общины человек того времени просто не смог бы выжить.

– Я слышала, что к вашей коллеге, которая опубликовала этнографического характера статью, явилась целая делегация с требованием изъять фрагменты «порочащего свойства». Речь там, кажется, шла о праве первой ночи, которое принадлежало мулле. И к Патимат Тахнаевой, написавшей книгу о христианской культуре средневековой Аварии, происламски настроенные лица предъявляли серьезные претензии.

– Такое бывает. Люди, даже с почтением относящиеся к своей истории, многого не хотят признавать. Они не понимают, что оценивать устои и традиции предков, имеющие многовековую историю, с точки зрения нынешних представлений о нравственных нормах, как минимум нелепо. А возросший интерес к религии заставляет многих отрицать очевидное. Но мы, этнографы, пишем свои монографии и статьи на основе полевого материала. То есть, говоря попросту, ездим по селам, беседуем со стариками, записываем то, что они помнят, что рассказывали им о стародавних временах их бабушки и дедушки. И не надо ставить абсолютный знак равенства между понятиями «дагестанец» и «мусульманин». В том ведь и уникальность Дагестана, что здесь горское право – адат часто вступало в противоречие с исламским правом – шариатом. Сейчас можно увидеть на улицах женщин и девушек закутанных в платки, так, что видны только глаза. Спроси их и услышишь в ответ, что такова традиция. Но наши женщины никогда не одевались так, как жительницы, скажем, Пакистана или Средней Азии. Они не закрывали лиц, не носили чадры. Или другой пример: если в гостях у горца оказывался христианин или иудей, то на стол выставлялось запретное для мусульман спиртное. И хозяин из уважения к гостю должен был если и не пить, то хотя бы пригубить. Более того, это правило не отменялось даже во время поста в месяц Рамадан. То есть закон гостеприимства имел приоритет перед религиозными установлениями. Все это надо знать, потому что человеком невежественным легко манипулировать, разыгрывая карту национальной идентичности, апеллируя к заветам предков.

– Напрашивается вопрос: будет ли создан учебник по истории Дагестана? И второй вопрос, не менее важный. Насколько можно будет доверять такому учебнику?

– В общем-то, вопрос не ко мне, а скорее, к Министерству образования. Там должны понять, что назрела необходимость в таком учебном пособии, и профинансировать его. Со своей стороны мы готовы. Подобрали бы авторский коллектив, написали бы развернутый план, обсудили его по отделам, а потом и на ученом совете. Впрочем, уже сейчас, безо всякого финансирования со стороны Министерства образования в этом направлении работают доктор исторических наук главный научный сотрудник Центра истории Дагестана Багомед Алиев и кандидат исторических наук научный сотрудник отдела этнографии Хабибула Магомедсалихов. Из уже существующих разработок я бы выделил сделанные Амри Шихсаидовым, считаю, что в отношении добросовестности и непредвзятости ему можно доверять совершенно. Ну, и конечно, не могу не назвать труды Расула Магомедовича Магомедова – одного из основоположников научного кавказоведения. Так что, как видите, потенциал у нас есть.

Беседовала
Светлана АНОХИНА

На снимках: фоторепродукции работ известных российских художников, запечатлевших в конце XIX и начале XX веков жизнь дагестанских горцев (из коллекции Дагестанского музея изобразительных искусств им. П. Гамзатовой).

БЫЛОЕ

АС ИЗ МАХАЧКАЛИНСКОГО АЭРОКЛУБА

В былые времена существовало Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту – сокращенно – ДОСААФ. История его в Дагестане началась с открытия в 1935 году Махачкалинского аэроклуба. Уровень обучения в нем был столь высок, что в летные училища страны махачкалинские летчики принимались, что называется, «с лету», оканчивали их в ускоренном режиме и отправлялись завоевывать господство в воздухе на фронта начавшейся Великой Отечественной войны. Звания Героев Советского Союза получили его выпускники Юсуп Акаев, Александр Ситковский, Владимир Громаковский, Леонид Гальченко, Владимир Бараненко, Гаджи Буганов.

После войны Махачкалинский аэроклуб продолжал иметь славу одной из лучших спортивных баз страны. Коренной махачкалинец Олег Архиреев, кстати, сбивший на фронте 18 вражеских самолетов, и его товарищи Юнус Алибеков и Владимир Мерекин создали команду летчиков-спортсменов, принимали участие в соревнованиях по высшему пилотажу, стали сильнейшими на Юге России. Более 60 летчиков аэроклуба стали мастерами спорта СССР по самолетному спорту. Воспитанница аэроклуба Любовь Немкова (Морохова) стала Чемпионкой мира в составе сборной СССР. Честь страны также защищали Галина Лунина (Соколова) и Муслим Гасанов, который стал дважды чемпионом СССР и бронзовым чемпионом Европы. Парашютистка Аминат Султанова стала рекордсменкой мира, Сергей Абдуразаков – серебряным призером Вооруженных сил СССР по парашютному спорту. На базе Махачкалинского авиаспортклуба стали проводить сборы летчиков-пилотажников всего южного региона, а однажды аэродром в Махачкале стал даже тренировочной базой сборной страны по высшему пилотажу для подготовки к чемпионату мира. Начальник Махачкалинского аэроклуба Касум Нажмутдинов был главным тренером сборной СССР по самолетному спорту и добился того, что советская команда в 60-х годах впервые поднялась на высший пьедестал мирового чемпионата по высшему пилотажу. С той поры советская и российская школа высшего пилотажа стараниями дагестанского тренера остается лучшей в мире уже более 40 лет.

Говоря о летчиках – наших земляках, прославивших Дагестан, хочу представить вам одного из них. Это военный летчик-перехватчик, подполковник авиации в отставке Александр МУРАДОВ.

Вот какая состоялась с ним беседа.

– Вы, сын замечательного певца, обладателя изумительного по красоте тенора, дагестанского Карузо, как тогда говорили, сами унаследовали его дарование, каким же образом оказались в авиации?

– Да, я родился в семье артистов. Отец мой, Татам Мурадов, был Заслуженным деятелем искусств Дагестана, директором Кумыкского театра, мама – певицей, солисткой ансамбля, Народной артисткой республики. Это у нас в семье воспитывалась будущая Народная артистка Советского Союза и Дагестана моя двоюродная сестра Барият Мурадова. В 1936 году дагестанская делегация артистов приняла участие во Всесоюзном фестивале народных талантов в Москве (вспомните фильм «Волга, Волга»), и заняла тогда третье место после Украины и Белоруссии. Большую роль в успехе наших артистов сыграли мои родители. Казалось бы, и мне сулили дорогу в артисты, но…

Когда я немного подрос, то спросил отца, почему меня зовут Александром? Он рассказал, что назвал меня так в честь одного из своих друзей, осетина Александра Кабалоева, заслонившего его собой от вражеской пули, когда отец был капельмейстером военного оркестра.

Ко времени, когда пришло время определяться в жизни, я немало удивил родителей, заявив, что хочу поступать в ремесленное училище. Мой выбор профессии удивил и не обрадовал. Отец сердился, что я не пошел по его стопам, не стал артистом, хотя перенял его прекрасный голос, и неплохо пел. Но когда мне, бригадиру комсомольской бригады инструментального цеха сам первый секретарь

Дагестанского обкома партии Абдурахман Даниялов вручал Почетную грамоту ЦК ВЛКСМ за хорошую работу, он был очень горд и всем говорил, что я – это его сын.

Как я стал летчиком? После окончания ремесленного училища работал на заводе, вечером учился в школе. В послевоенные годы в Махачкале жилось трудно, но каждый день в городском парке играл оркестр, были танцы. Я часто пел в ансамбле при кинотеатре «Темп», сейчас – «Дружба». И вот однажды в парке установили самолеты По-2 и Ут-2. Не знаю, что со мной случилось, но я почему-то почувствовал такую непреодолимую тягу к ним, что дошел даже до того, что по ночам пробирался к самолетам, забирался в их кабины и, ухватившись за рычаги, мечтал о полетах. Однажды меня за этим занятием застал прославленный летчик-истребитель Олег Владимирович Архиреев. «Ну что, говорит, сынок, летать хочешь? А ты приходи в аэроклуб». Аэроклуб тогда размещался в здании на нынешнем проспекте Р. Гамзатова, на этом месте сейчас магазин «Детский мир», а аэродром находился там, где сейчас ипподром. Тогда Махачкалинский аэроклуб был уже одним из самых престижных в СССР. Стал я в нем учиться. Было нелегко. Приходилось вставать в 3 часа утра, чтобы успеть полетать до 8 часов, когда начиналась рабочая смена на заводе. Затем, после работы, вечером я шел в школу, ну а потом – танцы в парке.

После окончания аэроклуба поехал я поступать в Армавирское военное летное училище, чем еще раз нанес удар по родительскому сердцу. Нас было 10 человек, дагестанцев, и наша летная подготовка была настолько хороша, что нас определили в отдельную команду и выпустили экстерном. Освоил я тогда самолеты Як-11, истребители Второй мировой войны Як-3, Ла-7, только появившийся реактивный МиГ-15.

В декабре 1952 года меня в числе еще 30 молодых летчиков, впервые в СССР окончивших обучение в Армавирском военном летном училище на самых современных тогда самолетах-истребителях МиГ-15, распределили в Ленинград, но потом посадили на теплоход и отправили в плавание. Плыли мы недели две, и вдруг – разворот на 180 градусов. Лишь когда вернулись в Ленинград, узнали, что, оказывается, плыли в Корею, где шла война. Мы должны были, так сказать, стать добровольцами, которые помогали бы корейцам завоевывать господство в воздухе в войне с американцами. Командовал подразделениями советских летчиков в Корее трижды Герой Советского Союза Иван Никитич Кожедуб. И когда Сталин спросил, как там дела, ему доложили, что туда направлена группа молодых летчиков, которые только что закончили обучение на МиГ-15. Сталин рассвирепел, что вы, мол, наделали, там сам Кожедуб еле справляется с задачей, хотя собрал самых лучших летчиков, прошедших войну, а вы послали детей, чтобы американцы их как цыплят посшибали?! Наш корабль развернули и определили в Ленинградском военном округе. Меня направили в Эстонскую ССР в только что сформированную дивизию ПВО охранять небо над Ленинградом.

За время службы освоил 15 типов самолетов и с 1961 года до самого увольнения служил командиром эскадрильи. Имею 7 боевых вылетов по реальным целям – американским высотным бомбардировщикам, несшим боевое дежурство с водородными бомбами вокруг границ СССР. 24 октября 1960 года мне пришлось взлететь по тревоге. Мир был тогда на грани ядерной войны. «521-й, вам – воздух, цель – реальная». Я побежал к своему Су-9, сел в кабину, мне помогли пристегнуть ремни, скафандр, шланги и все остальное. Запустил двигатель, вырулил на взлетную полосу, а сам думаю, может, отменят, но куда там, в наушниках – истеричный голос дежурного: «Взлет!!!». Я знал, что садиться будет некуда, везде аэродромы были закрыты по погоде. Подумал, прощай земля, прощайте дети, жена, друзья. Но долг превыше всего. Пробил облако на высоте 11 тысяч метров. Меня стали наводить по скрытому управлению, а то ведь все прослушивалось американцами. Тут на высоте около 18 тысяч метров увидел слева вначале пламя от двигателей, а потом и сам бомбардировщик В-52. Я пустил две

ракеты поверх него. Он, поняв, что я не шучу, как ошалелый, с резким креном, ушел в облака.

Я пошел на снижение, и тут поступила команда войти в зону катапультирования, это в зоне Финского залива, в лесу. А как катапультироваться, если в облаках сильное обледенение, и в этих условиях парашют моментально превратится в сосульку, и я камнем пойду вниз. Я перешел на открытый канал связи, канал бедствия, и стал прямо просить посадить меня куда-нибудь. Все молчали, и тут Рига откликнулась: «У меня нижний край облачности 100 метров, видимость – два километра, сможешь сесть?». Для Су-9, у которого максимальная скорость равна 2 700 километров в час, а посадочная составляет 500-600, это были почти невыполнимые условия для посадки. Я попросил оператора, чтобы он вывел меня на свой аэродром. На мое счастье, он оказался опытным диспетчером, и все время корректировал, «влево 50, вправо 100».

Когда я пришел в себя после посадки, то увидел перед собой заместителя командующего Прибалтийским военным округом. Он обнял меня и сказал: «Сынок, да ты в рубашке родился! Посадить такой самолет в таких условиях – немыслимо!». Вот так я чуть не стал участником едва не начавшейся Третьей мировой, ядерной, войны. Только за 1963 год было выполнено 26 вылетов по реальным целям. Эскадрилья, которой я командовал, была удостоена почетного звания образцово-показательного подразделения МО СССР. Сообщение об этом было вывешено на Невском проспекте, и мой огромный портрет тоже висел рядом.

– А что представлял собой этот легендарный самолет Су-9?

– «Летчик – мокрый, техник – худой, а конструктор – Сухой». Так говорили летчики об истребителе-перехватчике Су-9, который с 1959 года стал поступать на вооружение авиаполков ПВО. Среди авиаторов и такая байка ходила: вначале, дескать, делали морскую крылатую ракету, а уж после из нее сотворили грозный всепогодный истребитель-перехватчик Су-9... «Треуголка», как это и положено крылатой ракете, плотно сидела в воздухе только за счет мощности турбореактивного форсированного двигателя с огромной тягой в 9600 кг. Увы, большинство неприятностей доставлял именно этот капризный и своенравный «движок». Самолет-ракета взлетал очень резво, а вот сажать его было очень тяжело, ибо высокая посадочная скорость плюс плохой обзор из кабины требовали от летчика высокого мастерства и выдержки. Еще на стадии испытаний чудо-самолет не оставил шансов на жизнь не одному летчику-испытателю.

Конечно, кроме недостатков, были у Су-9 и положительные качества, которые позволили ему более 20 (!) лет оставаться на вооружении авиации ПВО в качестве основного самолета и вплоть до появления самолета МиГ-25 считаться самым скоростным и высотным самолетом планеты. Все эти годы, до самого снятия с вооружения, Су-9 считался секретным и никогда не поставлялся за рубеж. Он был чистым самолетом-перехватчиком. В нем конструкторы с максимальным приближением к идеалу реализовали принцип «Взлетел, догнал, сбил».

– Недавно вам исполнилось 75 лет, и вправе оценивать, что было, что есть …

– Мы были патриотами своей страны! Мы, дети войны, приняли эстафету от старших товарищей и с честью пронесли ее. Такие, как мы, предотвратили Третью мировую ядерную войну. Это – не пустые слова, это – реальность. Я прослужил в армии 17 лет и имею выслугу 29 лет, после этого еще 37 лет проработал в Дагтрансуправлении. И вот, что я хотел бы сказать. Много совещаются, много говорят о патриотизме, но словами делу не поможешь. Возьмите Махачкалинский авиаспортклуб. Это был один из самых престижных клубов в СССР. До развала СССР в нем ежегодно готовились парашютисты, работали автомотоклубы, радиоклубы. Где они теперь? А ведь наши дагестанские спортсмены славились на всю страну! Это были центры патриотизма, где молодежь осваивала десятки технических профессий. Вот куда шла молодежь. А сейчас что? Кто кумиры? Нет! Надо не просто возродить некогда завоеванное, а новых побед достигать. Может, началась такая работа? Как считаешь?

– Спасибо за все. С Днем рождения! Долгих лет!

Беседовал
Арсен МОЛЛАЕВ

Марьям ХАЛИМБЕКОВА

ПИЛОТ УМУКУСУМ МАНТАШЕВА

Знакомство с такими людьми, как Манташева Умукусум Мугутдиновна, невольно заставляет сравнивать разные поколения. И вывод не в пользу нынешнего: избалованного благами цивилизации, поколения, благополучие которого в свое время было куплено – не много, не мало – кровью отцов и дедов. Наши предшественники вынесли на своих плечах страну из послевоенной разрухи; они олицетворение советской власти и одновременно ее жертвы. В этом смысле судьба нашей героини – первой женщины-пилота Дагестана – и типична и нетипична одновременно.

Манташева Умукусум, 1921-го года рождения, провела свое детство в Буйнакске. Отец Мугутдин в качестве первенца ждал мальчика, что вполне традиционно для дагестанского менталитета. Всю свою нереализованную любовь отца к сыну Мугутдин перенес на маленькую Умочку. Соответствующее воспитание не могло не наложить на нее отпечаток, что отразилось в развитии таких качеств, как отвага, бескомпромиссность, прямолинейность.

В семье Манташевых было десять детей, и статус старшей дочери заставил Уму быстро забыть о собственном возрасте: она стала почти равноправной помощницей мамы. Отец много трудился, чтобы прокормить большую семью, держал всех в большой строгости, так что последующая учеба Умы, в том числе, в аэроклубе, выглядит фантастичной по меркам того времени.

Умукусум решила поступать на престижный химико-технологический факультет МГУ, который, как считалось, был доступен лишь местным жителям. Отец неожиданно поддержал ее намерение и даже поехал с дочкой в качестве сопровождения. Ума подтвердила собственным примером, что достойное образование можно получить в любой точке страны, успешно сдав экзамены на желанный факультет. Но тут встал вопрос о дороговизне проживания в столице, и Умукусум, которую никто и никогда не мог бы заподозрить в эгоизме, послушалась отцовских доводов и вернулась домой, гордая уже тем, что одолела прием в один из лучших вузов.

Но мысль о высшем образовании не покидала ее, и она поступила в Грозненский нефтяной институт, став там первой студенткой из народностей Северного Кавказа. Ума училась успешно, активно участвовала в художественной самодеятельности, занималась спортом, и, главное, обросла массой друзей. Студентки института так сдружились с Умой, что несколько раз приезжали к ней в гости в Буйнакск.

Именно подруга – третьекурсница Вера Китина – взахлеб рассказывала нашей героине об аэроклубе, находившемся недалеко от их общежития, и сагитировала ее поступить туда в 1940-м году. В то время вся страна готовилась к войне, и везде функционировали аэроклубы для обучения гражданских лиц. А Валентина Гризодубова, Полина Осипенко и Марина Раскова, пролетевшие через всю страну на самолете «Родина», положили начало своеобразной моде на авиацию среди женщин. Позднее нашу героиню прозвали «дагестанской Расковой».

Начальник Грозненского аэроклуба не без удивления встретил горянку, чье желание встать на один уровень с мужчинами было просто неслыханным. Недаром мать всеми силами противилась этому шагу; зато отец снова проявил небывалую прогрессивность, разрешив дочери осуществить ее мечту. Ведь родись у него первым сын, он позволил бы ему это.

Главными требованиями в аэроклубе было отменное здоровье (медкомиссия проверяла очень тщательно) и технические знания. Вначале шла теоретическая подготовка, а с весны – уже практика. Последняя началась вполне прозаично: с уборки летного поля вручную, а тех, кто был недоволен, отчислили безо всяких церемоний.

В первый самостоятельный полет на «У-2» Умукусум в качестве исключения разрешили взять с собой отца, но он в это время болел и не смог приехать, прислав теплую поздравительную телеграмму.

В назначенный для полета день оказалось, что инструктор Гафнер вне очереди хочет отправить в небо свою ученицу. Ума пошла на принцип, заявив, что полетит непременно первой, так что ее инструктор Толстенев вынужден был пойти ей навстречу. Полет удался, в отличие от полета протеже Гафнера, которую вместе с ее инструктором за неподготовленность и несвоевременный вылет отправили на штрафные работы (штрафными считались чистка моторов и работа на посадочном поле).

Небо и самолеты приносили несказанное удовольствие, в отличие от большой нагрузки в институте и не совсем безопасного пути от общежития к аэроклубу (красть невест у чеченцев всегда было в моде).

Так что юная красавица ходила с огромным ножом в сапоге, чтобы поразить в случае нападения если не супостата, так себя, спасаясь от позора собственного и спасая от него родных.

Итогом всех этих явных и скрытых трудностей стало успешное завершение учебы студенткой Манташевой. По свидетельству Центрального совета Осоавиахима СССР (оборонной организации, готовившей летчиков и парашютистов, водителей грузовиков и мастеров спортивной стрельбы) ей было присвоено звание военного летчика 4-го класса. Но в продолжении учебы в Академии авиации имени Жуковского ей было отказано как специалисту более важной отрасли: топливно-нефтяной промышленности.

В 1942-м году, когда гитлеровские войска подошли к Гудермесу, Грозненский нефтяной институт эвакуировали, но лучшим студентам (среди них и Умукусум) дали возможность остаться в Грозном для защиты дипломных проектов. Ума рвалась на фронт добровольцем, но как нефтяник она была нужнее стране, так что по распределению ее отправили на предприятия нефтяной промышленности Дагестана.

Так Умукусум навсегда распрощалась с небом, перенеся всю свою энергию на освоение земных недр. Она занимала различные должности: начальника установки нефтепромыслового цеха, начальника цеха перекачки нефти, старшего инженера треста «Дагнефть», старшего геолога конторы капремонта, старшего инженера технического отдела Совнархоза и другие. Пришлось ей также участвовать в освобождении ото льдов в Избербаше нефтяной эстакады вместе со знаменитым полярником, спасшим в свое время челюскинцев, Героем Советского Союза, академиком Папаниным. Она посвятила нефтяной промышленности республики многие и многие годы, став первой горянкой-нефтяником и следуя раз и навсегда приобретенной привычке быть везде и во всем пионером. Свидетельством тому стали ее многочисленные награды и звание «Заслуженный нефтяник Дагестанской АССР».

Личная жизнь Умукусум складывалась вполне в духе мрачных перекосов советского режима: ее муж Бураган Бураганов после единственного года совместной жизни по ложному доносу был репрессирован и сослан в окрестности Воркуты. Туда же спустя девять лет после смерти Сталина и наступившей относительной оттепели отправилась и Умукусум со своей бабушкой и сыном, за что друг ее мужа писатель Расул Расулов справедливо окрестил ее «дагестанской декабристкой». В Заполярье они вместе работали на шахтах: она как вольнонаемный инженер, а Бураган как обычный зэк. Все это в декорациях вышек с пулеметами и ночей длиной в 45 суток, не говоря уже об отсутствии элементарных бытовых условий.

Со второй беременностью Умукусум связан один из самых драматичных эпизодов в ее жизни. Именно тогда встал вопрос о возвращении на родину и необходимости получения отпуска для мужа. Сосед посоветовал обратиться с прошением к начальнику Воркутлагеря, и Умукусум отправилась к нему в стареньком автобусе по вечной мерзлоте. Дорога была долгой и утомительной, тем более, что до родов оставалось совсем немного.

В приемной жену зэка ждал грубый прием: секретарша позволила себе даже оскорбить и без того бесконечно униженную женщину. Умукусум проглотила обиду: слишком многое было поставлено на карту, и была вознаграждена долгожданным приемом. Генерал (начальник Воркутлагерей) оказался суровым мужчиной, который, внимательно изучив дело уроженки неведомой ему республики, обратился к ней с неожиданной просьбой: не покидать и впредь мужа, для которого предательство жены будет гораздо более страшным наказанием, нежели годы лагерной жизни. Вдобавок к положенному сроку отпуска (который, кстати, давался только в исключительных случаях) начальник, имя которого Умукусум до сих пор вспоминает с благодарностью, прибавил еще два дня. Так что теперь ее муж, помимо 14-ти дней, приходившихся только на дорогу, получил и возможность увидеться с родными. Это было должностным преступлением, и вначале она не хотела принимать такую жертву, но генерал настоял на своем и пожелал паре счастливого пути. Умукусум и спустя годы не может без слез говорить об этой трогательной помощи со стороны облаченного властью Русского, пошедшего на риск ради незнакомой ему женщины-дагестанки.

И в дороге не обошлось без приключений: Бураган отправился послать телеграмму и не успел вернуться, когда поезд тронулся. Что пережила за эти минуты его беременная жена, известно лишь ей одной; к счастью, как оказалось, Бураган успел на ходу вскочить в последний вагон. Через несколько дней пути семья, наконец, добралась до Дагестана. Два дня пролетели, как во сне.

Нашлись документы, реабилитирующие Бурагана, но официального снятия судимости не произошло, и после окончания отпуска он вернулся в Воркуту. После родов поехала к нему и верная супруга, оставив детей своим родителям. Много лет позже Бураган не раз признавался ей в своем неоплатном долгу перед ее женским подвигом, который, в отличие от общественного, невидим и не вознаграждаем. А что почетнее и тяжелее – быть первой летчицей, ударницей или просто достойной женой – большой вопрос.

Так складывалась судьба этой обычной-необычной женщины. Ее сын Абдурахман окончил тот же институт, что и она. А брат Магомед-Шапи, начинавший с полетов в аэроклубе Буйнакска, стал главным инженером Азербайджанских авиалиний, а затем и замначальника. Он получил звание «Заслуженного летчика СССР», всю свою жизнь посвятив небу. Ну и, конечно, почти все помнят ее знаменитого брата, бывшего директора Кумыкского театра Шарапутдина Манташева; одна из улиц в Махачкале носит его имя. А племянник Мурад в настоящее время занимает одну из главных должностей в «Авиалиниях Дагестана».

Так, родные Манташевой Умукусум осуществили ее несбывшуюся мечту. И пусть она не реализовалась как летчик: зато никто, и, главное, она сама не упрекнет себя в неисполнении долга перед своей родиной, которой является, в первую очередь, семья, а потом и Дагестан, и Россия.

Анна ЖУЖЛЕВА

ПИСЬМА БЕЗ АДРЕСА

МАГИЯ ВЕЩЕЙ

Вернувшись из отпуска, я первым делом открыла свой старый альбом. Боже! Как же я соскучилась по всем этим 9х12! Из всего – именно по ним одним. Хотя, что я говорю. Вот стоят неровными рядами расписанные кем-то когда-то иконки, доставшиеся от бабушки и купленные уже гораздо позже мною в самых разных церквях страны. Стоят одиноко и заброшенно, пожалуй, и не подозревая о том, что им уже нет места в моем маленьком уголке. И что скоро грядут перемены.

Много-много всего приковывает взгляд. Глаза бегают и заполняются каким-то осознанным смыслом возвращенного Я. Моя жизнь, мой дом, мои вещи – все такое персональное, личное, «приватизированное». Даже этот вид из окна. Даже мяуканье соседских кошек под дверью, под утро, и всегда раньше будильника. Но как бы я ни старалась объяснить это – не могу. Почему нас так привязывают к себе все эти вещи? Или, может, это мы привязываем их? Да, нахлобучиваем на голое тело, как майки, кофты, свитера, чтобы «не замерзнуть»? Или чтобы защититься? Вот только от кого. Не от самих ли себя.

Возможно, наши вещи – это всего лишь атрибуты памяти. И как ни виляй, приходится признаваться, что мы больше живем прошлым, чем настоящим. Там нам уютно и тепло, ведь ничего уже не изменить. Люди, встречи, подарки, воспоминания согревают. О плохом же не только не говорят, но и не помнят. А настоящее… Что такое настоящее? Никогда не знаешь, что от него ждать, как себя с ним вести. Приходится лишь мириться. Настоящее – это как длинный железнодорожный путь – рельсы петляют, изменяя ход, машинист не дает о себе знать, исключая короткие остановки на маленьких и больших станциях – а прошлое, вещи, подобно вагону, несут нас, оберегая от всяких напастей.

Может, оно и так. А может, в этих вещах мы ищем самих себя, будто на минуту забывая, кто мы есть. Ведь ничто, никогда не подчеркнет так мне саму себя, как огромная коллекция открыток в столе, как две колоды карт, тайно изымаемых из серванта для гадания, как те же самые 9х12, где вот она я, то в роли фотографа, то в роли снимаемого, то бесшабашно летящая на волнах, то грустно застывшая посреди города. А без всего этого, где я? Только внутри себя самой, циркулируя, сверху вниз и справа налево, больно ударяясь о «стены».

Навсегда часть моей души обрела себя в моих вещах, моем доме. Они живут и возвращают мне живительную силу, когда ни попрошу. Открыв альбом, прикоснувшись к столу, включив любимый диск, пусть и поцарапанный, я понимаю, что живу, что живет все прекрасное во мне. И даже этот текст уже живой, «Будьте осторожны, ведь вы ступаете (читаете) по моей душе»...

ПИСЬМО

Все реже и реже в последнее время пишу письма, простые бумажные конвертики с корявым почерком внутри, огромными запятыми и тире. Вот уже, казалось, села. Белый лист. Ручка. Нахлынувшие воспоминания. Фразы... А не идет. Будто кто-то держит за руку и не отпускает. А ведь как это красиво – писать и получать письма.

Моя подружка, которая живет в другом городе и даже другой области, приезжала одним летом в Махачкалу. Помню, мы сидели во дворе, в тенечке, на маленькой рыжей скамейке. И не могли наговориться. В один момент мне приспичило сказать: «Как бы я хотела прочитать все свои письма, что писала тебе». Подружка не удивилась и, мягко улыбаясь, рассказала, что все мои письма, и не только мои, хранятся у нее отдельной стопочкой, перетянуты цветной лентой... «Надо же, – мелькнуло в голове, – а я-то, дуреха, все письма рвала. Примета есть такая: нельзя хранить письма, это приносит несчастье». Подружка уехала. А я стала все свои переписки складывать в стопочки, перевязывать. Вот только не разжилась шкатулочкой, для полного счастья. Так и лежат мои письма островками адресов, разбросаны где-то в столе.

Есть стопочки потолще (все от той же подружки), есть поменьше (в одно-два письма), а расстаться с ними нелегко. Привыкла уже. И не перечитываю даже: как-то не тянет, не хочется. И вроде сама не знаю, для чего храню. А тут еще писем с каждым годом все меньше и меньше приходить стало. «Что такое? – думаю. – Неужели разучились писать?» Или, может, просто уже не доверяем. Никому: ни другим, ни себе, что уж и про бумагу-то говорить. Да, доверие...

И опять же психологи советуют писать, «изливать» наболевшее бумаге, тогда и анализировать легче, и со стороны все не так страшно, как кажется. Но мы ведь не потому стали такими черствыми и осторожными, что перестали писать письма? И попробуй, пойди на почту, скажи о недостатке писем. Не поверят же, возразят, и будут правы. Вон, опять сегодня видела почтальоншу, сгибалась под тяжестью сумки. «А в 32-ю что-нибудь есть?» – «Нет пока». «Пока» – это обнадеживает.

Да и сама хороша. Целый час сижу, а и двух строчек «выдавить» не могу. Только сиротливое «Привет! Прости, что так «быстро» отвечаю. Совсем забегалась: учеба, дом, работа». И за что-то стыдно, стыдно перечитывать, хочется перечеркнуть все, разорвать, уткнувшись в подушку, расплакаться, просто так, может, от своего бессилия, а, может, непонимания того, ЧТО МОЖНО НАПИСАТЬ В ПИСЬМЕ, КАКИМИ СЛОВАМИ (Господи, подскажи), КОГДА ЖИВОЕ ВНИМАНИЕ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА НУЖНО СЕЙЧАС, СИЮ МИНУТУ. ОДНО ЛИШЬ внимание, жест навстречу. Пиликнул сотовый. Новое сообщение от... Вот оно, внимание. Ага, желанный вопрос: «Как дела?» Сейчас, сейчас отвечу, у меня здесь такое… Но это слишком длинно, так не расскажешь, нужно подсократить, как бы написать попроще, а, в общем, что и писать, ты все равно далеко. Клик-клик: «Все хорошо, только немножко грустно, подробнее напишу в письме, вот только конверт куплю. Скучаю, целую, люблю».

СПОРТ

Андрей ШМОНИН

ЭТО ОН – ЗАЙНАЛБЕК...

Более тридцати раз звучал в его честь гимн Российской Федерации. Конечно, так отмечали, в первую очередь, победы дагестанских бойцов муай тай на чемпионатах мира, континента, других крупных международных соревнованиях. Но за этими успехами всегда стоял он – Зайналбек Зайналбеков – тренер чемпионов, вдохновитель и во многом именно творец этих достижений.

Недаром еще в 1998 году, вернувшись из Испании с золотыми медалями чемпионов Европы по тайскому боксу, впервые завоеванными дагестанцами в этом виде спорта, Абдул-Насыр Меджидов и Абдуллах Гусниев при встрече со своим тренером в Махачкалинском аэропорту, прежде всего, украсили его грудь этими высокими наградами. И это – как сказали они – самая большая дань их признательности удивительному тренеру и человеку. С тех пор на высшую ступеньку пьедесталов чемпионатов мира, Европы вступали вновь и эти бойцы, и их товарищи, другие ученики Зайналбека. Победы одерживались и на любительском ринге, и на профессиональном – в муай тай, кикбоксинге, в новом профессиональном спорте – сейкэндо, в боях по популярнейшей формуле «К-1», по боевому самбо. Возникали одно за другим новые имена, они приносили и приносят все возрастающую славу дагестанской школе муай тай, постоянно подтверждающие тот необъяснимый феномен, ставший за последнее десятилетие обязательной составляющей славы всего дагестанского спорта на мировой арене. А у истоков этого феномена стоит он, создавший и развивающий муай тай в Дагестане практически…

ВЫБОР ЦЕЛИ

«Практически…» Хотел добавить – «с нуля», но это было бы не совсем верно. И, прежде всего потому, что не назовешь ведь «нулем» на самом-то деле самого Зайналбека Зайналбекова. Хотя бы потому, что к такому серьезному делу, как начинать осваивать совершенно новый тогда у нас вид спорта, мог рискнуть только бесконечно уверенный в себе человек, причем способный взвесить все «за» и «против» не только в самом себе, а, скажем, и в окружающей обстановке такого неровного и неспокойного времени. Да-да: и в спорте тоже.

Сам Зайналбек начал заниматься боксом в 1976 году. Именно тогда он пришел в спортзал к своему дяде Магомеду Курбанову, известному в Буйнакске тренеру боксеров. Со временем у него возникло и укрепилось желание стать тренером: он поступает на факультет физического воспитания Дагестанского пединститута и продолжает тренировки у известного в республике и стране тренера по боксу Мурада Гамзаева. Спортивных успехов Зайналбек добивался не раз, становился чемпионом республики, ЦС «Динамо», первенств вузов страны, завоевывал мастера спорта СССР по боксу.

Но, как известно, и хороший спортсмен далеко не всегда может стать достойным тренером. Примеров всегда тому достаточно, и хорошо еще, если, трезво оценивая свои данные,

спортсмен не сочтет для себя тренерскую стезю достаточно легким делом. Хуже, когда, опираясь лишь сугубо на собственный опыт, посчитает себя способным учить и воспитывать. В лучшем случае – это неизбежно невысокий «потолок» учеников, в худшем – горькое разочарование, и, прежде всего – в себе.

Зайналбек сразу понял, что необходимы обширные, всесторонние знания, и не только сугубо в сфере, так сказать, технической работы с учениками в зале. Очень много внимания он уделил спортивной психологии, плотнее знакомился с новыми единоборствами, мало-помалу, появлявшимися в стране после срыва тогдашнего плотного занавеса. В России вновь открывались секции каратэ, делали первые шаги ушу-таолу, ушу-саньда, кикбоксинг, таеквондо, другие стили боевых искусств.

Первым шагом для Зайналбека как тренера стал кикбоксинг. Он и сейчас считает его достойным видом спорта, а его питомцы уверенно выступают – и выигрывают бои – в этом виде единоборств. Но почти сразу его внимание было приковано к муай тай – тайскому боксу, где, как он посчитал, возможности для спортсмена открыты еще более широко. Как раз под стать, на его взгляд, горскому темпераменту, с трудом удерживаемому в рамках традиционного ринга. Косвенным подтверждением этому было и бурное развитие в республике именно вольной борьбы, где запретов все же меньше, чем в родственных видах, а возможностей для творческой фантазии на ковре, естественно, больше.

Тайский бокс, как его называют еще образно – «бой восьмируких» – самый свободный из восточных единоборств, где действуют в широком диапазоне руки, ноги, а значит – и колени, и локти, он дает огромные возможности для наиболее полного раскрытия спортсмена, способного удачно пользоваться всем этим разнообразным арсеналом. Причем: будешь силен только на руки – «обстучат» ногами, напротив – можешь получить внезапный удар локтем, к примеру. Тайский боец всегда должен быть универсален, подвижен и собран, разнообразен и непредсказуем.

Секретами тайского бокса делиться никто не хотел. Белорусы, раньше россиян начавшие его осваивать, отказали в помощи сразу. На одном соревновании по кикбоксингу они провели показательные бои по муай тай, но на просьбу поделиться опытом ответили: «Вам, дагестанцам, только покажи: затем лупить нас начнете…» К середине 90-х годов тайский бокс успешно развивали в Москве, Санкт-Петербурге, но удачнее – в Сибири, в частности, в Кемеровской области и Новосибирске (почему – об этом позже). Предстояло завоевать свое «место под солнцем».

В НАЧАЛЕ СЛАВНЫХ ДЕЛ

Но на удивление, все пошло скорее, чем ожидалось. Интерес к тайскому боксу проявили в первую очередь некоторые успешные бойцы-кикбоксеры, тренировавшиеся у Зайналбека: Гаджимурад Абакаров, Садыр Эмиргамзаев, Джаватхан Заруев, Габиб Габибов, Шамиль Магомедов, заметно и даже как-то стремительно подросли Абдул-Насыр

Меджидов, Абдуллах Гусниев. С первого же чемпионата России, в котором принимали участие дагестанцы, с ними стали считаться, более того, кое-кто из них прочно вошел в сборную России, завоевав первые и призовые места. И вот с тех пор, уже более десяти лет дагестанцы – признанные фавориты тайского бокса в стране, более того: сборная республики практически неизменно выигрывает общекомандные всероссийские чемпионаты и юношеские первенства.

Победное шествие начали с чемпионата Европы-98 Абдуллах Гусниев и Абдул-Насыр Меджидов, на следующий год они же стали чемпионами мира, а Магомед Исмаилов стал «серебряным». Исмаилов, больше известный под боевым именем «Кобра», вскоре стал серебряным призером, а потом и чемпионом мира по кикбоксингу. Затем все эти бойцы добавили себе высоких званий, добытых в победах на профессиональном ринге по тайскому боксу, по сейкэндо и спортивной «драке». В последние годы не случается чемпионата мира или Европы, откуда не привозят в Дагестан золотые медали победителей наши земляки. Прекрасно выступают Арслан Магомедов, Шамиль Гайдарбеков, для них любительские чемпионаты мира – пройденный с победой этап, теперь они фавориты боев формулы «К-1». Мирза-Гаджи Магомедов помимо титула чемпиона мира стал единственным на сегодня в России обладателем Кубка короля Таиланда, престижнейшего приза в муай тай. Каждый год новые имена победителей дают дагестанскому спорту ученики Зайналбека Зайналбекова. И ученики его учеников: пришло и это время.

В ИТОГЕ – ШКОЛА

Популярность тайского бокса в Махачкале, в других городах и районах очень высока. В этом, прежде всего огромная заслуга организованной Зайналбеком Федерации тайского бокса Дагестана и спортивного клуба «Скорпион», этой, так сказать, лаборатории опыта.

В спортзале «Скорпион» помимо самого Зайналбекова занятия с почти шестистами

мальчишками, юношами и вполне взрослыми людьми ведут несколько его единомышленников – Анварбек Амиржанов, Абдул-Насыр Меджидов, Касум Гаджиев, Магомед Магомедов, Арсен Давудов. Из этого зала, где стены и, уж конечно, пол пропитаны потом бойцов, на большой ринг вышли уже десятки чемпионов и призеров не только России, но и Европы, мира, победителей сложнейших профессиональных турниров.

Вырастить чемпиона, даже десяток чемпионов – не значит все же создать школу, где воспитываются традиции, где сам подход к делу – залог дальнейшего успеха. Я знал, не побоюсь так сказать, великих тренеров, сделавших великих спортсменов, но так и не сумевших создать школу.

Зайналбеку Зайналбекову это уже удалось за, в сущности, короткий срок – чуть более десяти лет. И сегодня, хотя СК «Скорпион» на чемпионаты мира выставляет почти половину всех участников, это не значит, что он обязательно доминирует. Отличных бойцов готовят в Буйнакске Махач Курбанов и Юсуп Патахов, В Хасавюрте – Алибий Казиев и Арсен Эльдарханов, В Кизляре – Ибрагим Хидыров, в Бабаюрте – Анвар Таваев.

Более того: воспитанники дагестанской школы муай тай так же активно и успешно работают в Ростове (брат Зайналбека – Шихшабек, Белет и Аскер Айдемировы), в Сочи (Расул Муртузалив), в Москве тренируют Магомед Камилов и Джаватхан Заруев, да и вообще, Федерацию тайского бокса столицы возглавляет наш земляк Надыр Наврузов, также начинавший с Зайналбеком.

Постепенно, а затем вполне прочно в стране проявились два признанных центра муай тай: Махачкала и город Прокопьевск Кемеровской области. Прокопьевск преимущественно шахтерский город, относительно небольшой, но когда бойцы муай тай из этого самого города, а затем и вообще из Сибири стали одерживать верх уже на первых чемпионатах страны, здесь было решено всемерно поддерживать новое спортивное молодежное начинание. Городские власти ежегодно определяют на развитие тайского бокса даже отдельную, весьма не слабую статью в бюджете. Не для развития спорта вообще, заметьте, а именно – для муай тай.

Уже в середине девяностых годов в состав сборных команд России на чемпионаты мира и континента включились бойцы из Прокопьевска – когда один-два, а когда и до четырех человек. Права, они, естественно, имели, поскольку завоевывали их на чемпионатах страны. Да и дрались, в общем-то, хорошо, завоевывая призовые места, а порой – чемпионские титулы. На соревнованиях практически любого уровня прокопьевцев всегда сопровождали специалисты (тренеры – обязательно), врачи, психологи, а то и просто лихая группа поддержки.

Спортсмены из Дагестана, особенно первоначально, даже войдя в сборную стра-

ны, никакой помощи, кроме «внутренних резервов», то есть от собственной семьи не имели. И тогда, да и теперь с трудом, буквально «с мира по нитке» собираются деньги не только для участия в международных, но и во всероссийских соревнованиях. Между тем Российская Лига Муай тай была создана в июне 1992 года, впрочем, много позже Всемирной Ассоциацией тайского бокса, это несколько «извиняет» инерцию дагестанских спортивных чиновников: дело ведь новое, непривычное – как оно еще себя покажет? В общем, ни признать, ни поддержать не спешили: это ведь не вольная борьба, откуда в основном большинство и вышло.

Так что попасть на чемпионат мира в Таиланд вместе со своими питомцами Зайналбек Зайналбеков смог уже только тогда, когда по итогам подряд трех спортивных лет (!) признавался лучшим тренером по муай тай России, когда в его тренерском списке были чемпионы мира и Европы, а сборная Дагестана безраздельно и прочно лидировала на всероссийских соревнованиях, как среди взрослых, так и среди юниоров, юношей. Он тогда, в 2003 году все же поехал в Бангкок – и привез оттуда трех новых чемпионов мира и еще нескольких призеров. Закрепив так сказать, свою линию.

ЖИЗНЬ КАК МАСТЕР КЛАСС

Когда мы как-то коснулись в разговоре его методики тренерской работы, он заметил полушутя-полусерьезно:

– Я стремлюсь органически использовать всего четыре основных компонента – дагестанский дух, японскую точность, немецкую дисциплину и российский беспредел. В первом случае – это мужество, воля, терпение, во втором – скрупулезная отработка владения всем арсеналом приемов, в третьем – взвешенное отношение к работе на ринге, да и в жизни, самоотречение, твердость в достижении цели, в четвертом – стратегическая непредсказуемость в построении поединка, умение выходить победителем из любых, самых невозможных, невыгодных ситуаций.

Дагестан находится на стыке Европы и Азии: нам сам Всевышний велел этим пользоваться. Мы побеждаем во многом потому, что смогли синтезировать достижения европейской школы бокса, в первую очередь, маневренность – традициями многих восточных единоборств, не только муай тай…

Думается, весомая доля истины в этом есть. Но за годы тренерской, практически ежедневной, многочасовой работы у Зайналбека выработалась четкая и весьма стройная система подготовки бойцов, начиная с азов базовой техники и до привития им, так сказать, стратегического мышления, умения мыслить и на ринге под градом ударов, удачно строить, а подчас и перестраивать на ходу рисунок боя. Я не раз наблюдал, как он ведет тренировки в своем переполненном зале. В течение двух часов взвешенно, продуманно проводит программу, выверенную практически поминутно, отличая действия каждого бойца, лишь иногда поправляя или поощряя короткой репликой кого-то лично. Он хорошо знает сильную сторону каждого, замечает недочеты, тут же указывая на них, требуя немедленного исправления. Тренировка проходит всегда в каком-то особом, невероятно насыщенном темпе, который обязателен для всех без исключения. Просто непостижимо, этот бесподобный темп принимают даже новички, занимающиеся в зале одновременно с ветеранами, со многими уже весьма титулованными спортсменами.

Тут, кстати, помогает и еще одна заповедь Зайналбека: «Скорпион» – это не просто спортивный клуб, и уж конечно, не спортзал – это единая семья с добрыми отношениями старших и младших, основанными на доверии, взаипомощи, я бы даже сказал, основанными на братской любви. Я уже говорил, что сегодня в «Скорпионе» несколько талантливых тренеров, но принципы они исповедуют практически те же, которые взяли от Зайналбека. Поэтому и их спортсмены впитали эти понятия вполне основательно, скажу больше: органично.

Во многом это заслуга самого Зайналбека, одним из незыблемых правил которого стало на всю жизнь: «Плоди не врагов, а друзей». Как педагог, воспитатель, он учит ребят прежде всего дружбе, терпимости, справедливому отношению и к себе, и к окружающим. Вроде вот какой парадокс: тайский бокс – одно из наиболее жестких единоборств, а тут такие понятия. Отсюда же и еще одно правило Зайналбека: «Зная свою силу, никогда не злоупотребляй ею». Воистину – «человек кунгфу», точней не скажешь.

На мой взгляд, Зайналбек Зайналбеков принадлежит к той небольшой категории людей, которые смогли полностью реализовать свой жизненный потенциал. Охотно допускаю, что сам он, которому всего-то не полностью сорок лет, со мной не согласен: впереди немало замыслов предстоит воплотить, вокруг много ребят, которые только начинают делать первые шаги в большом спорте, и забота о них, как всегда, – на первом плане. Жизнь ведь продолжается, как все всегда.

Заслуженный тренер России, вице-президент Федерации тайского бокса страны, человек, пользующийся непререкаемым авторитетом и уважением в многоликой Дагестанской федерации боевых искусств, создавший и утвердивший (!) настоящую школу дагестанского тайского бокса, с чьим именем связаны десятки имен выдающихся бойцов – любителей и профессионалов, завоевавших наиболее громкие титулы в этом виде спорта, да и не только в нем – что можно еще пожелать!?.

Но все знают: для Зайналбека – это не предел. Он привык ставить перед собой все новые и новые задачи. И решать их в Дагестане или в России, в Таиланде или Японии, где его имя хорошо известно, завтра – еще где-то, если это будет необходимо.

Скромный и обаятельный вне спортивного зала, но у ринга уж никак не похожий на тренера одного из наиболее жестких единоборств, всегда собранный и цельный. Зайналбек Зайналбеков – из породы победителей, это утверждено и доказано неоднократно. Трудно сказать каких высот еще добьется он: в своих замыслах он, повторяю, непредсказуем.

Эту внутреннюю суть он в себе выработал сам, без чьей-то подсказки, прошел за сравнительно короткий срок в спорте сложный, если не скакать тяжкий путь первооткрывателя, преодолевая заторы и преграды, о которых уже и помнить, не хочет, раз они позади. И вообще, думаю, главное в этом человеке – целеустремленность. Что грядет – то и интересно, то ново. Искать и находить – это радостно, это и есть жизнь, – считает он. Именно в этом видит он твердый залог новых успехов.

А что они будут непременно, верится легко. Ведь это он, Зайналбек. И этим уже все сказано…

На снимках: воспитанники З. ЗАЙНАЛБЕКОВА (фото из архива и Татьяны КАЛИШУК)

ВЕТЕР И МОРЕ

В прошлом номере нашего журнала был опубликован репортаж Наталии ШКАНДЫБА «Земля и небо. Небо и земля» о любителях параплана. Перед вами ее новая публикация – теперь о кайтсерфинге.

ПО ТУ СТОРОНУ ВОЛНЫ

На улице легкий ветерок, лето уже давно осталось позади, балом правит ноябрь. Море забыто, и пляж больше не походит на огромный муравейник. Наоборот, лишь изредка парочка пройдется по берегу или пробежит спортсмен.

Он приезжает на городской пляж чуть ли не каждый день. Еще бы. Скоро уезжать, а тут юго-восток дует, разве можно такое упустить. Холодновато, правда, ну да ничего, не замерзнет, надо пользоваться моментом, когда еще покатаешься. Его бордовый «Мерседес», из колонок которого непременно доносятся джазовые раскаты, уже давно стал неотъемлемой частью пляжа. Он любит джаз, а его образ жизни похож на хорошую джазовую композицию – яркий, насыщенный, увлекательный.

Окружающие уже без удивления смотрят на мужчину в гидрокостюме с доской в руках, напоминающей сноуборд, – шагающего по побережью по направлению к «какому-то существу», раскрашенному в яркие цвета.

Ветер треплет «этого зверя» и клонит к земле, кажется, что это какая-то необыкновенная фантастическая птица присела отдохнуть и вот-вот, подгоняемая усиливающимся ветром, взмоет в небо. Но, не взирая на все старания последнего, силившегося согнать ее с насиженного места, она преспокойно лежит на песке. Существо это с виду напоминает гибрид дельтаплана и параплана, или нет, нет, скорее – воздушного змея. Ну, конечно, это просто-напросто гигантский воздушный змей!

Казалось, чтобы поднять «эту махину» в воздух, нужен целый батальон неимоверно сильных, мускулистых парней. А удерживать ее, чтобы ветер не унес? Как же надо руки-то

накачать! Но через минуту при помощи лишь одного небольшого усилия она уже парит в воздухе, напоминая птицу. Осталось зайти в воду, надеть доску и – наш человек-амфибия (в гидрокостюме черного цвета, солнцезащитных очках, бандане он сильно на него смахивает) уже летит, управляя ветром, а вслед за ним летит музыка. Да, в джазе тоже хочется двигаться по течению, по волне, то страстно, порывисто, набирая скорость, то спокойно и плавно. Хотя нет, «летит» не совсем то слово, которым можно описать его движение. Скорее он ходит. Ходит по воде.

Он укротил ветер, приручил воздушного змея, встал на воду – все это кайтсерфинг. А это «чудовище» именуется кайтом. Адреналин, взаимодействие с природой, свежий воздух, динамика, удовольствие и поддержка физической формы – все это дает кайтсерфинг…

– Я понял – это наркотик. Кайтсерфинг надо запретить! – утверждает он. – Завидев змея, надо бежать от него подальше и никогда не приближаться. Иначе жизнь твоя нормальной уже не будет! – (смеется) – Я? Я уже ненормальный. Я на это прочно подсел…

…Слово kite в переводе с английского языка означает змей, а сам вид спорта произошел от соединения гавайского серфинга и китайской традиции запускать воздушного змея. Кайтсерфинг состоит из кайта (воздушного змея), строп, трапеции, которая может крепиться к поясу, чтобы снять нагрузку с рук, доски – твинтип…

…Кайтсерфинг сравнительно молодой вид спорта (датой его рождения принято считать 1998 год), но, несмотря на свою юность, он уже нашел массу почитателей и последователей. Почему? Просто он объединяет в себе элементы многих экстремальных видов спорта: скейт, сноуборд, серфинг. А еще кайтсерфинг дает большую свободу, он независим от топлива, каких-либо других факторов, единственное – это ветер. Но это приятная зависимость. Этот процесс можно назвать философским, медитативным. Этот спорт всесезонен – есть зимний кайтинг – катание по снегу, кайтсерфинг – катание по воде, лэндкайтинг – катание на кайте по земле. Основные направления: фрирайд – простое катание за кайтом, фристайл – наличие трюков, сальто, вращений, вейврайдинг – катание на волнах. Все это доставляет невероятные удовольствия…

…Такое ощущение, что он просто совершает прогулку. Но вот скорость его увеличивается, он сосредоточен, словно готовится к чему-то, еще движение, разворот и… отрыв. Море остается где-то там, внизу. Он взмывает в небо. Высота отрыва поражает. Такое ощущение, что он сейчас улетит вслед за «змеем». Но нет. Он совершает замысловатый трюк и возвращается к воде, и… – падение. Он уходит под воду. Кайт падает в воду. Кажется, все: пора подбирать «потерпевшего крушение». Но через две минуты крыло снова парит в воздухе, а он уже рассекает волны и готовится к очередному трюку. Прыжок – опять падение. Третий заход – и вот он был удачным, под ногами вновь вода. В кайтсерфинге, как и в джазе – легкость, импровизация, звуки вдруг возрастают (отрыв от воды, трюк), а потом вновь спокойно и плавно льются (приводнение, «прогулка по волнам»).

ВЫХОД ИЗ МАТРИЦЫ

Свежий воздух – все же страшная сила: выматывает покруче тренажерного зала. После дня, проведенного на море, чувствуешь себя ужасно изможденной (парадоксально, но при этом я ничем не занималась, разве что смотрела на море), но усталость эта приятна. Правда, предательски клонит в сон, так что ни о каком интервью не может быть и речи. Тело буквально рухнуло в мягкие кожаные сидения автомобиля.

Высокий стройный мужчина с легкостью садится за руль, модная тачка, стильный прикид. Ключ зажигания повернут, мотор приятно мурлыкнул в знак приветствия хозяину. Панель управления зажглась разноцветными лампочками. Тонированные стекла поглотили окружающий мир. Рывок. Бордовый «мерседес»

покинул прибрежную зону и направился в город.

– Как ты к джазу относишься? – спрашивает он и, не дожидаясь ответа, уже возится с магнитолой.

Пока я выдавливала из себя – «Нормально» – из колонок уже доносились завораживающие звуки.

Чтобы что-то спросить, надо еще суметь перекричать саксофон и барабаны, которые уже переплелись со звуками рояля и не собираются умолкать. Да и зачем, интервью можно отложить «на потом», а сейчас… сейчас надо наслаждаться. Наслаждаться музыкой, компанией, моментом. Так, как это делает он. Он умеет жить здесь и сейчас.

Его зовут Эдуард: Эдуард Гаджиев. Он не новый дагестанец, да и бизнесменом его назвать нельзя.

Работа для него лишь средство достижения цели. А цель… цель у него пока одна –как можно больше уделять времени своей мечте и «не заморачиваться по пустякам».

– Я помню, когда работал в Москве, в офисе, все время думал: сегодня хорошая погода, ветер подходящий, сейчас бы покататься, а не киснуть здесь. И эти мысли добивали. Сидишь на работе, а думаешь о кайте. Так зачем такая работа, если она и удовольствия не приносит, и любимым делом мешает заниматься?!

Он экстримал, если быть точнее – кайтсерфер, и этим все сказано.

– Самое страшное для меня это стать кайтером «выходного дня», то есть погрязнуть в обыденности. Помню, было время, когда кататься вырывался только по воскресеньям, надо сказать, для меня то была настоящая катастрофа…

…Кайтсерфинг, как и джаз – индивидуален. Популярен, но не рассчитан на массы. Для него должно быть какое-то другое мировоззрение, своя философия, отношение к жизни и миру…

– Хорошо бы, конечно, кататься на кайте и чтоб за это еще и деньги платили, – говорит он с улыбкой.

В ответ я ехидно улыбаюсь.

– А что (джазовый раскат), я тебе видео покажу, увидишь, как живут и выглядят настоящие кайтеры. Вообще, у каждой компании, которая выпускает кайтовое оборудование, есть свои спортсмены, которые путешествуют по миру, катаются в свое удовольствие, плюс им еще за это и деньги платят. Поездки в теплые места – Германия, Бразилия, Доминиканская республика – ежедневная работа, тренировки, все лучше, чем в офисе сидеть. А главное кайт, море, свобода.

– А чего б и тебе туда не податься?

– Уровень не тот, там же профи.

– А ты кто? Ты сегодня на пляже такое вытворял, умереть можно.

– Да нет, какой я там профи – точно надо будет тебе видео показать. Я соулсерфер.

– Чего?

– Соулсерфер – то есть катаюсь для души, а не ради каких-то соревнований, наград…

… Из динамиков доносятся звуки бразильского джаза…

… Кайт вошел в его жизнь внезапно. До этого были лыжи, сноуборд, ролики, скейт. Но с появлением «птиц» все остальное отодвинулось на задний план. Не ушло, не исчезло, а просто уступило дорогу новому увлечению, без которого он теперь себя просто не мыслит.

– Это НЕПЕРЕДАВАЕМЫЕ ощущения: восторг, счастье, эйфория. Даже не могу подобрать нужные слова. Не забуду, как первый раз догнал волну с той стороны и скатился с нее. С тех пор жизнь разделилась: по ту сторону волны и по эту. Там, за волной, альтернативный мир, Зазеркалье, там выход из Матрицы, и каждый раз все меньше и меньше хочется возвращаться. – (задумавшись) – Но лучше, конечно, чтобы эти два мира соединились, тогда, наверно, будет ощущение полноты жизни.

Тем временем музыка набирает обороты…

– Кайт я впервые увидел по телевизору (музыка стала тише, а его голос зазвучал словно мелодия) года три назад. Помню, эти «птицы» меня так заворожили, что я решил – непременно попробую их «приручить». В России тогда существовал лишь один клуб любителей кайтинга, находился он в Москве, так что, как говорится, все карты в руки. Свой первый кайт я купил там. Учился кататься сам. Ребята в Москве только показали, как стропы привязывать, – рассказывает Эдуард.

– А как запускать и все прочее вообще не знал?

– Нет, – спокойно заявляет Эдуард и добавляет после минутного раздумья: – Хотя, в Интернете, конечно, я нарыл все по этой теме, но теория теорией, а лучше все-таки один раз посмотреть, чем прочитать миллионы чьих-то, пусть и профессиональных, но все же просто рассуждений. Так что достал видео, сотни раз прокручивал одни и те же кадры, пытаясь догнать – как это они делают. В принципе, с тех пор ничего не изменилось. Новые трюки, элементы по-прежнему смотрю на видео, а потом пытаюсь повторить. Да и в России практически нет профессиональных инструкторов по кайтингу.

Мне нравится делать трюки, – добавляет он после минутного молчания. – Сделал один, появляется желание сделать еще, расти в этом направлении, этот процесс бесконечен – он-то и затягивает. Когда видел на пленке, как катаются профессиональные райдеры, то думал

– ничего невозможного нет. Но когда пробовал повторить то же самое, оказалось, это не так-то и просто. Когда учишься, вроде проклинаешь все на свете, а когда доходишь до цели, понимаешь, что обучение что-то значило, а возможно, и было важней, чем сама цель.

В кайтсерфе привлекает еще и ощущение какой-то эстетики. Он более смотрибильный, красочный, да и в аксессуарах есть что-то привлекательное и символичное, а для меня это важно.

Приезжаешь, разворачиваешь кайт и катишься в любую сторону. Море оно ведь почти такое же бесконечное, как небо…

В Махачкалу я приехал без наработанной базы и опыта, плохо знал, что кайт из себя представляет. Было много непредвиденных случаев: подбрасывало, об землю ударяло, даже ногу повредил. Но желание не пропало, наоборот. Я твердо решил, что все равно добью эту тему.

Отношение людей к этому виду спорта какое-то неадекватное. У многих дагестанцев обывательский подход к жизни. «Я лучше технику какую-нибудь куплю, чем на этот ваш кайт тратиться», – так говорят многие. Жаль. Хотелось бы иметь единомышленников среди земляков. Создать именно здесь Кайтовый Рай!

– Сегодня катнули от души, давно не было такого ветра, целую неделю! А если знаешь, что ветер не тот, не для кайта, чего тогда приходить зазря?

– Ждать ветер, смотреть на море мне тоже нравится. Это часть процесса. Иногда я просыпаюсь с мыслью: «Хоть бы ветра сегодня не было», – добавляет он. – Отдохнуть-то хочется. Ведь не кататься невозможно, тянет, а сил уже нет, весь разбитый и усталый. Но это редко, о-о-очень редко. – Молчание. – Тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить.

Машина плавно остановилась. Неужели все?! Ну что, пора прощаться?

– Завтра приходи на пляж.

– А завтра ветер будет?

– Не знаю. У ветра своя жизнь. Будем надеяться.

Разворот и машина скрылась за поворотом, унося этого необычного человека все дальше, в ночь.

ТАМ, ЗА ОКЕАНОМ

…На экране возникло доминиканское побережье, усеянное кайтами.

– Смотри, у них там клуб, база своя, куча кайтовых станций. А у нас, в Дагестане, ничего пока нет. Хотя есть море. Появляются желающие узнать побольше о кайте, а где меня искать? Сегодня я здесь, на городском пляже, завтра на «Прибой» поеду или еще куда-то сорвусь. Я ж в Махачкале не постоянно бываю, так, когда получится. Чтобы все было, как в цивилизованном мире, нужны спонсоры, так как бизнес на этом в России пока сложно строить, вся надежда на благотворительность, – с грустью говорит Эдуард.

… Там, в Доминикане, да и везде, где есть море и ветер, – в Испании, на Гаваях, во Франции… – настоящий бум кайтсерфинга. Смотришь на экран и кажется, что там уже не осталось места для, – как говорит Эдуард, – нормальных людей: кайтеры повсюду – на побережье, в барах, а главное, в океане. Он стал похож на радугу, кишит ими. И как только они не сталкиваются. Потрясающее зрелище… Люди тянутся туда со всей Европы: немцы, голландцы, бельгийцы...

– Для кайтсерферов условия в Дагестане уникальны! Не хуже, чем в той же Доминикане, – говорит Эдуард. – Здесь довольно часты подходящие ветра – юго-восток, как его у нас называют – «моряна» – чуть ли не каждый день, пляж песчаный – в отличие от Черного моря, и вода не такая соленая, как в Египте. Надоело море – не вопрос, можно рвануть в

горы, опробовать наши склоны для маунтинборда, горного велосипеда, параплана, горные реки для рафтинга…

…Смотри, смотри внимательней. Вот тебе где туризм! Если есть деньги, то, конечно, можно поехать в Перу покататься на кайте, на больших волнах. Не хочешь волн, пожалуйста, в Египет, в Доминикану. Туризм же не в паломничестве в раз и навсегда выбранное место, а в смене мест, поисках чего-то нового. Кайтсерферы, да и все любители экстремального туризма это понимают, поэтому и ездят по всему миру. Так почему бы и Дагестан не включить в список тех мест, которые бы они посещали. Доминиканская республика – для нас это экзотика, а для них Дагестан будет экзотикой. Ездить будут. Экстрималы, они на то и экстрималы, чтобы новые места находить. Регион их не отпугнет, главное, чтобы условия были, инфраструктура, цены приемлемые – и народ потянется…

… Вот он далеко пролетел! Это Андре Филипп – раньше считался самым лучшим кайтером. Сейчас уже Аарон Хэдлоу и Рубен Летьен круче считаются. Но Андре тоже ничего.

…Смотри, йеменцы! Правда, чем-то на дагестанцев похожи. Кайтеров увидели, так вся деревня высыпала из любопытства. Но эти, в отличие от наших, хоть не бегают за тобой по пятам, кайт не дергают, не пытаются чего-то испортить и не лезут с вопросами: «Сколько стоит прокатиться?» или «А эт че за фигня такая?»…

…Смотри, какой трюк потрясающий. Это низкие техничные прыжки с вращениями, сальто – сейчас в моде эта школа. Внизу, надо действовать быстрей, надо все успеть до приводнения. Они технически сложные и делаются без петли, то есть кайтер отсоединяется от трапеции, за которую крепится кайт, делает трюк на руках, потом присоединяется. Круто считается, когда кайт под 30-40 градусов от поверхности воды в пауэрзоне и на максимальной тяге делается трюк. – (Задумчиво) – Да, есть еще куда расти.…

…Помнится, когда шла на первую встречу с ним, знакомые предупреждали – он странный, смотри, задурит голову всей этой новомодной фигней. Другие твердили: «Ты лучше у его родных поспрашивай, как они относятся ко всем его увлечениям».

Зачем спрашивать у кого-то, когда он и сам может все рассказать.

– Конечно, близкие волнуются, переживают за меня. Они считают этот вид спорта опасным. Но потихоньку смирились. Теперь они знают о ветре почти все – (смеется). – И прогноз погоды смотрим вместе.

…А жаль, что в Дагестане этот вид спорта только с меня начинается, – добавляет он. – Жаль, что нет у нас Союза кайтеров на манер Футбольного союза или Федерации кайтинга по аналогу с Федерацией боевых искусств. Нет хотя бы небольшого, но своего собственного здания под клуб. А то, представь, чемпионат по кайтсерфингу, место проведения – Дагестан. Телевидение, прямая трансляция на весь мир, огромное количество кайтсерферов, играет джаз и Каспий весь усеян разноцветными «змеями»…

ДВА РАССКАЗА

Жанна АБУЕВА

ПРАЗДНИК

Обожаю этот праздник. Просто не знаю другого такого дня, когда люди ходят и ходят друг к другу, и поздравления сыплются, как из рога изобилия, и в каждом доме празднично накрытые столы со всевозможной снедью, в особенности заслуженной теми, кто весь предыдущий месяц постился. И этот начинающийся с раннего утра и продолжающийся весь световой день настойчивый стук в дверь, за которой неиссякаемый поток детворы оглашает подъезд возгласами и топотом ног по лестнице вверх… вниз… вверх… вниз… «С праздником!» говорят они наперебой утром, а через несколько часов уже ничего не говорят, а только стоят перед твоей дверью, тяжело дыша и держа на весу раскрытый целлофановый пакет, щедро набитый «садака» в виде разных сладостей, заранее заготовленных хозяевами домов и квартир. Ничего не скажешь, традиции! Год от года детворы становится все больше, и все больше среди них хорошо одетых мальчиков и девочек, застенчиво протягивающих пакеты с сокровенными дарами в ожидании и твоего взноса в общее дело. На фоне поднаторевших в этом бизнесе пацанят им слегка неудобно, но ведь это часть игры, традиционной и вековечной, и дети из обеспеченных семей, равно как их менее удачливые ровесники, добросовестно продолжают обходить дома, подъезды и этажи, и стучать в двери, и протягивать пакеты, чтобы потом не выглядеть бледно перед теми из сверстников, кто хорошо «наварился». Похоже, здесь срабатывает какой-то свой неписаный и нам, взрослым, неведомый кодекс.

На смену детям идут с поздравлениями взрослые. Для большинства из них главное – это отметиться, побыстрее всех обойти и потом, в конце дня, с чувством выполненного долга, сказать самому себе: «Какой же я все-таки молодец!». Но это вечером, а пока… Щедро накрытые почти в каждом доме столы, от изобилия разной снеди, яств и сдобы рябит в глазах. От одного вида этого обилия пропадает охота есть, тем более, что и у тебя дома почти все то же самое. Но надо отведать хотя бы кусочек, иначе обидишь хозяйку; ведь и тебе обидно, когда ты три дня стоишь на ногах, варишь, жаришь и печешь, готовясь к самому-самому из всех праздников, а гость забежит на полчасика и побежит дальше, оставив тебе очередной пакет с праздничным гостинцем и унося с собою такой же твой.

Да, и в самом деле, очень волнительный праздник! Волноваться начинаешь загодя, ведь надо приготовить не менее полусотни подарков: полотенца, домашние тапочки, ночные сорочки, коробки конфет и чая, чулки-носки, косынки-платки, и много-много другой мелочевки, и сколько бы пакетов ни наготовить, их всегда не хватает, и как бы ни рассчитывал, что это твой третий и последний поход на «Восточный рынок», все равно будет и четвертый, и пятый…

А еще больше волнуешься в канун праздника, перед посещением кладбища. Во-первых, сам факт посещения дорогих твоему сердцу могил, перед которыми стоишь и в сотый раз обещаешь им и себе наведываться чаще и ухаживать регулярнее, и вырывать вновь откуда-то вылезшие ненавистные сорняки, и ругать власти за то, что абсолютно не следят за состоянием городских кладбищ. И с чувством умиротворения и покоя, какие всегда испытываешь в этом месте, а заодно и облегчения от выполненного долга, покинуть кладбище, по пути раздавая «садака» полчищам невероятно нахальных детей, деловито расхаживающих меж могил с разбухшими от подношений целлофановыми пакетами, и в перерывах раскланиваясь с многочисленными знакомыми, как и ты, пришедшими выполнить в канун праздника свой священный долг перед усопшими.

И все же, все же никакие наши предпраздничные волнения не сравнимы с теми, что испытывают наши старики! Уже за два месяца до праздника они начинают волноваться о том, как все будет, и успеем ли хорошо подготовиться, и хватит ли еды, и не забыть бы о печеном, и о фруктах побеспокоиться, и вообще, все сделать заранее, а то вдруг потом не успеешь! … Суетливость, с какой из года в год старики готовят себя к празднику, забавляет и трогает одновременно.

– Да успеем, не беспокойся ты! Всегда успевали и сейчас успеем!

– Нет, все-таки лучше заранее побеспокоиться, а то мало ли что!

– Хорошо-хорошо, только не волнуйся, ради Бога!

И так каждый раз. И этот каждый раз кажется им последним, ведь неизвестно, что будет в году следующем… И они волнуются, как дети, и суетятся мыслями, и переживают до тех пор, пока не наступит этот самый день, и лишь при виде щедро накрытого стола успокаиваются и наконец расслабляются.

Существуют, как правило, поздравляющие и поздравляемые. Первые помоложе, вторые постарше. Поток людей не иссякает три дня… и еще три дня… и еще… но уже пореже.

Поскольку в доме есть старый человек, первые три дня я принимаю, а вторые уже поздравляю. В эти первые три дня бывает не до разговоров, а уж вторые – одно удовольствие! В основном, правда, слушаю. Зато как интересно! В этот, второй, период напряжение у стариков спадает, они расслабляются и готовы к общению. И начинаются рассказы, и воспоминания, и экскурсы в прошлое, куда они ныряют, как в теплую, уютную заводь, выплывая затем на поверхность с какой-нибудь занятной историей из своей далекой и незабываемой молодости. Иногда случаются целые автобиографии, подробные и ностальгические, что тоже очень интересно, и ты заслушиваешься, и забываешь о времени и о пространстве, и об остальных пунктах своего загодя составленного маршрута необходимых визитов. А как много узнаешь о собственных предках!

Почему-то, стоит мне явиться к кому-либо, тут же заходит разговор о моей бабушке.

– Когда я была молоденькой девушкой, – рассказывает тетя Хадижат, – то приехала в Буйнакск и первое время снимала комнату. Никого в городе не знаю, очень было одиноко. И вдруг, в один прекрасный день, ко мне приходят две женщины, солидные, благородные, приветливые. Это была твоя бабушка Пахай со своей сестрой Нана-ханум. Узнав о моем приезде, они пришли ко мне, и бабушка твоя сказала, что мы родственники и должны общаться. Она наказала заходить к ним как можно чаще, оставив мне адрес и гостинцы. Моя хозяйка была страшно польщена их визитом и все расспрашивала меня, откуда я их знаю...

Аналогичную историю поведала мне в другом доме тетушка Миясат, которую моя бабушка также в свое время поддержала.

Далее следует визит к тете Муслимат, и мы сидим с нею за чашкой ароматного чая, и ведем беседу …о моей бабушке.

– Удивительно культурная была женщина! Помню, Аминат, любившая поехидничать, при всех обратилась к ней со словами: «Удивляюсь я тебе, Пахай, вроде бы ты неграмотная, институтов не кончала, образования не имеешь, откуда тебе известны все эти манеры, культурные разговоры?» На что ее муж, Аслутдин, очень почитавший твою бабушку, резко ответил: «Послушай, Аминат, можно иметь образование и оставаться некультурным человеком, а можно и наоборот, не кончать никаких институтов, но быть и умным, и культурным. Это дается человеку от рождения, от воспитания, и от Бога!»…

Милая моя Дадей! Моя добрейшая, любимая бабушка! Сколько лет прошло с того дня, как тебя не стало, а память людская о тебе все не угасает. Люди вспоминают тебя с теплотой, уважением и любовью, потому что ты сама была тепло и свет. Ты щедро раздавала людям добро, не считая его и не помня о нем, поддерживала ближнего словом и делом, протягивала руку помощи всем, кто в ней нуждался. Ты любила Бога и людей, стойко перенося все тяготы, выпавшие тебе в жизни. Ты была очень красивым человеком, внешне и внутренне. Ураза-Байрам был твоим един-ственным праздником, но в то время я была слишком далека от Бога, чтобы понимать и принимать как праздник, так и Его самого. Ты же нам ничего не навязывала, просто тихо молилась, охраняя своей верой наш Дом…

Сегодня тебя вспоминают не только старики, но и те, кто помоложе. Вот пришел Гарун, посидел немного, собрался уходить, и сказал уже у порога:

– Как часто я вспоминаю тетю Пахай! Удивительно была мудрой… Просто даже не хватает ее в жизни!

Спасибо вам всем, дорогие мои, спасибо за память о моей бабушке!.. Эта память есть не что иное, как преемственность поколений, и, если будет угодно Всевышнему, то мои ровесники в уже и не таком далеком будущем также будут рассказывать вашим внукам, пришедшим поздравить их с Уразой, о доброте ваших сердец и деяний.

Вот и подошел к концу Ураза-Байрам. Я обошла всех своих старших; у меня хорошо и спокойно на душе; в голове еще звучат прощальные слова тети Хадижат: «Живите, родные мои! От души желаю вам прожить такую долгую и хорошую жизнь, какую я прожила сама. Я довольна своей жизнью и благодарна Богу за нее. Живите и вы долго и плодотворно!»

Мой длинный, составленный загодя, список тоже подошел к концу. Как хочется, чтобы в последующие годы он оставался таким же длинным, не сокращаясь ни на одного человека…

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ В НАУКУ…

Меня предупреждали, что она стерва, но я надеялась, наивная, что сумею ее расположить. От нее зависело мое поступление в аспирантуру, и, разглядывая пожелтевшие брошюрки с ее статьями времен царя Гороха, с готовностью приобретенные мною у ее референта, я вот уже битый час сидела у массивной двери кабинета «стервы» и лихорадочно твердила про себя: «Нина Павловна Михайлова… Михайлова Нина Павловна… Не спутать бы!» И, конечно же, спутала, едва оказалась, наконец, в ее огромном и каком-то безликом кабинете.

– Здравствуйте, Нина Михайловна!

– Павловна! – процедила она сквозь зубы, окинув меня быстрым и недовольным взглядом, вызвавшим во мне легкий озноб.

– Да-да, простите, Нина Павловна! – поспешно исправилась я, ощутив всеми фибрами своей души, что интерес ее ко мне пропал, не успев еще даже зародиться.

Наступило тяжелое долгое молчание, и ничего не оставалось делать, как ждать, и я успела даже слегка ее разглядеть. Грузная пожилая баба, как раньше говорили, простоволосая, и такая же безликая, как и ее кабинет. Словом, нечто большое, серое и бесформенное. Невозможно было поверить, глядя на нее, что это маститый профессор, автор вузовских учебников, и вообще, знаковая фигура в советском литературоведении. Дунька с трудоднями – и та колоритнее!

– Слушаю вас! – бросила она недовольно, не поднимая глаз и продолжая что-то писать.

– Я хотела поговорить с вами относительно поступления в аспирантуру…

– И что?

– Ну… у меня направление в целевую аспирантуру… и… я хотела узнать, не согласитесь ли вы стать моим научным руководителем…

– А что, кроме меня, больше не к кому обратиться?

– Видите ли, Нина Михайловна…

– Павловна!!

– Простите, я хотела сказать, Павловна… так вот, я много слышала о вас и… много вас читала, и мне рекомендовали обратиться к вам.

– Кто именно, позвольте узнать?

– Алла Викторовна Саркисова, из Дагестана…

– Ясно. Продолжайте.

– Ну и… вот, хочу просить вас быть моим руководителем…

На самом деле, мне этого вовсе уже не хотелось, но отступать было некуда. Согласитесь, что трудно разговаривать с человеком, не видя его глаз, а глаза Нины Павловны Михайловой оставались опущенными, никак не желая концентрироваться на моей особе.

– Уточните, пожалуйста, в какой именно области вы собираетесь специализироваться? – Она буквально цедила каждое слово, всем своим видом показывая, что оскорблена столь бесцеремонным вмешательством в ее жизнь.

Если бы можно было разговаривать с казенной мебелью, то, наверное, беседа получилась бы именно такой.

– Хотелось бы по Шекспиру… или по Голсуорси…

– О них уже все сказано и вы ничего нового не добавите. Что еще?

– Вообще-то, если честно, я больше тяготею к американской литературе!

– В таком случае, вы обратились не по адресу. Идите к Мазурскому или к Богородцеву! Это они у нас… американисты!

Сарказм последней фразы заставил меня предположить наличие у Михайловой одинаковой неприязни к американской литературе и к Мазурскому с Богородцевым. Она же тем временем сурово продолжала:

– Вы даже не определились, чем желаете заняться, Шекспиром или американцами!

– Так я и хотела с вами об этом посоветоваться!

– Нет уж, будьте добры определиться сами!

– Послушайте, Нина Михайловна…

– Павловна! Павловна!! Павловна!!! Вы даже не удосужились запомнить, как меня зовут!

– Да-да, извините, это я от волнения… Так вот… – я решилась выложить ей сокровенное. – Может, мне заняться творчеством Маргарет Митчелл? О ней у нас еще ничего не написано!

– Какая еще Митчелл?

– Американская писательница, автор романа «Унесенные ветром». Роман переведен на двадцать восемь языков и издан во всех странах мира, кроме как у нас…

– Вы вообще понимаете, о чем вы говорите? – Тут она, вскинула, наконец, на меня взгляд, от которого я почувствовала себя заблудившейся в огромном и дремучем лесу. – Кого интересует эта Митчелл? Кто сказал, что она писательница? Она писака и у нее не роман, а чтиво! Бульварщина! Потому ее у нас не переводят и не переведут никогда!

– Мне кажется, что причина в другом. В этом романе проблема рабства освещена иначе, чем, скажем, в «Хижине дяди Тома», и негры в Америке, похоже, не были так уж обездолены и…

– Даже не хочу продолжать этот разговор! Повторяю, в нашей стране эта книга не будет издана ни-ког-да, вы поняли?

– Вы знаете, я прочла в какой-то газете, что в ближайшее время «Унесенные ветром» будут изданы в нашей стране.

Я солгала. Об этом я прочитала не в одной из газет, а в письме от издательства «Художественная литература», присланном лично мне. Дело в том, что оригинал романа Маргарет Митчелл, привезенный из-за границы и подаренный мне друзьями, настолько захватил меня, что я сгорала от желания поделиться впечатлениями с окружающими. Мне страстно хотелось, чтобы мои близкие и друзья также прочли эту эпопею, и тогда, недолго думая, я уселась за перевод роман на русский язык. Процесс настолько меня увлек, что, наскоро переделав домашние дела, я спешила к столу, где ждал меня мой перевод, и начиналось действо. Под моим пером оживали на русском языке герои и события эпохи Гражданской войны Севера и Юга, отчаянно боролась за свою любовь и за свою Тару Скарлетт О'Хара, насмешничал Ретт Батлер, трудились на плантациях негры, ворчала Мамми и разворачивалась история Соединенных Штатов Америки.

Все это было настолько увлекательным, что меня охватило желание поведать эту историю не узкому кругу людей, а широкой публике. И тогда, сказав себе: «Почему бы и нет?», я обратилась в издательство «Художественная литература», предложив к публикации свой перевод. Ответ не заставил себя долго ждать и в очень вежливой форме гласил, что в редакции уже лежит готовый перевод романа «Унесенные ветром», выполненный известными советскими переводчицами Кудрявцевой и Озерской, и что публикация романа ожидается «в самое ближайшее время». Прочитав письмо, я была вне себя от радости и нетерпения, и вовсе не жалела о времени, потраченном на перевод, ибо процесс доставил мне одно лишь удовольствие.

Было это в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году, и, забегая вперед, скажу, что роман «Унесенные ветром» увидел свет в русском переводе ровно через четыре года после получения мною письма от издательства «Художественная литература». «Ближайшее время» растянулось в нашей стране на годы, вероятно, из-за позиции таких вот непримиримых защитников системы, каковым являлась Нина Павловна Михайлова.

А пока что на дворе стоял год восьмидесятый, и кабинет сотрясался от ее крика:

– Что-о-о? Этого не может быть!! Этого не может быть никогда!!!

– Это так, поверьте, я сама читала! В ближайшее время роман станет известен в нашей стране и… мне бы очень хотелось о нем написать!

– Не желаю даже слушать этих глупостей! – нервно воскликнула Михайлова, и в этот момент в кабинет, постучав, вошел мужчина лет тридцати, почему-то напомнивший мне шпика в том виде, в каком они были представлены в советском кинематографе.

– Бога ради, Валентин Иванович, послушайте, что она говорит! Приехала, понимаете, откуда-то из Дагестана и заявляет, что скоро у нас в стране будет издан в переводе роман «Унесенные ветром»! Вы можете вообразить себе такое? – сказала она и издала какой-то отрывистый и крайне неприятный, во всяком случае, для меня, смех: – Ха!ха!ха!

– Хо-хо-хо! – услужливо подсмеял ей Валентин Иванович. – Ну, это же надо представить себе! «Унесенные ветром» на русском языке! Хо-хо-хо! И с чего, позвольте спросить, вы взяли такое, голубушка? Хо-хо-хо!

– Из газеты! – Я уже разозлилась. – Там черным по белому было написано, что издательство «Иностранная литература» планирует в ближайшее время выпустить роман «Унесенные ветром»!

– Ха!ха!ха! – в последний раз выбросила из себя Михайлова и, внезапно прекратив смеяться, сказала резко и зло:

– Запомните, что я вам скажу, не знаю, как там вас зовут, что этого не будет никогда, вы слышите, никогда! Можете идти!

– Но… у меня направление именно к вам! И я привезла с собой реферат…

– Оставьте свой реферат, и можете быть свободны. Я сообщу вам свое решение!

Она сообщила его ровно через две недели, и дома, в Махачкале, я все читала и перечитывала коротенькиймашинописный текст за подписью Михайловой, сообщавший мне о том, что во мне не просматривается будущий научный работник и что, соответственно, к экзаменам я допущена быть не могу.

– Спасибо вам большое за поддержку и целевое направление, – сказала я нашему ректору, пряча от него полные слез глаза, – но я не буду поступать в аспирантуру!

– Знаете, – ответил мне ректор, – нельзя отказываться от своей цели, столкнувшись с первым же препятствием! В Москве есть и другие вузы, и другие ученые, так что дерзайте!

И я дерзнула. Позднее, попав в другой вуз и к другому ученому, тоже с именем и тоже автору известных литературоведческих трудов и вузовских учебников, я подарила ему свой вариант перевода романа Маргарет Митчелл. Позднее, на кандидатском экзамене по специальности, уже после моего ответа, он с нескрываемой гордостью за меня сказал экзаменационной комиссии:

– А вы знаете, что эта наша кавказская княжна перевела на русский язык роман «Унесенные ветром»! Отличный перевод, я вам скажу!

– Молодец! – произнесла молчавшая до этого другая знаковая фигура в американистике, автор еще более известных трудов и учебников. – А, кстати, у нас в стране собираются его вообще издавать?

– В самое ближайшее время! – заверила я комиссию и добавила: – Где-то я читала об этом!

АВТОРЫ НОМЕРА

Гази ГАСАЙНИЕВ с. 2, 10

Габиб ОСМАНОВ с. 6

Изумруд АТАЕВА с. 18

Гулинжан КУРБАНОВА с. 21

Полина САНАЕВА с. 24

Светлана АНОХИНА с. 26, 34

Магомед АБДУЛЛАЕВ с. 30

Марьям ХАЛИМБЕКОВА с. 32, 41

Наби АНКАЕВ рис., с. 33, 57, 59

Арсен МОЛЛАЕВ с. 38

Анна ЖУЖЛЕВА с. 43

Андрей ШМОНИН с. 44

Татьяна КАЛИШУК (ЮХА) фото, с. 46-49

Наталия ШКАНДЫБА с. 50

Жанна АБУЕВА с. 56

Камиль ЧУТУЕВ 4 стр. обложки

ДАГЕСТАН

№ 2 (29) март/апрель 2007 г.

Выходит с августа 2002 года.
Периодичность – 6 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Далгат АХМЕДХАНОВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
E-mail: dagjur@mail.ru

БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ:
Р/с 40603810602800140487
в Махачкалинском ф. банка «Возрождение» (ОАО) г. Махачкала,
К/с 30101810500000000882,
БИК: 048209882, ИНН: 0562053040
КПП 056201001
ГУ Редакция журнала «Дагестан»

Журнал зарегистрирован 23 июля 2002 года Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № 10-4793.

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в Республиканской государственной газетно-журнальной типографии.
Адрес типографии: г. Махачкала, пр. Петра I, 61.

Усл. п. л. – 7,5.
Тираж – 1000 экз.
Номер заказа –

Подписной индекс – 78434.

Цена номера в киосках «Роспечати» – 30 руб., у общественных распространителей – свободная.

Редакция рассматривает рукописи не более одного печатного листа. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность цитат, фактов, названий, имен несут авторы.
Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала.
Редакция вступает в переписку по своему усмотрению.
При перепечатке ссылка на «Дагестан» обязательна.

К сведению читателей!

Рекламодателей в том числе!

Журнал «Дагестан» поступает в Госдуму, Правительство, Администрацию Президента РФ, в федеральные и республиканские ведомства в Москве и Махачкале, в крупные производственные и финансовые структуры, учереждения культуры России и Дагестана

Весна пришла...
Фото К. Чутуева